

ПНЕМОНИК КАТЕР ВЭЙ

я превращу
твою жизнь
в АД

Непробиваемый попаданец

ИДДК

Катэр Вэй
MnemoniK
Неправильный
попаданец. Книга 1

Серия «Толик, Петя и хомяк», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74254126

Аннотация

"Неправильный попаданец" – роман Катэр Вэй и MnemoniK, первая книга цикла "Толик, Петя и хомяк", жанр попаданцы в магические миры, юмористическое фэнтези.

Я – Толик. Когда-то решал любые вопросы, теперь... живу в теле Петрушки – нелепого деревенского парня с внешностью из кошмарного сна.

Моя новая реальность:

– магический «диагноз» – моя магия признана ядовитой и запретной;

– быт в полуразвалившейся хате, где электричество отключают за неуплату;

– неожиданный компаньон – хомяк-мутант с глазами, полными Тьмы, который требует от меня расплаты.

Я пытался выжить, навести порядок и даже приготовить ужин из этого хомяка. Не вышло – проснулась совесть. Теперь мы с

грызуном в одной лодке: он грозит превратить мою жизнь в ад, а я пытаюсь понять, как остаться собой в этом абсурдном мире.

Чёрная комедия о падении, выживании и неожиданной дружбе там, где её совсем не ждёшь. А правила диктует хомяк-тиран.

ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ.

ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ РАСПИТИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ. ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.

ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ УПОМИНАНИЕ НЕТРАДИЦИОННЫХ СЕКСУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ, БЕЗ ПОДРОБНОСТЕЙ И ПРОПАГАНДЫ. КНИГА ЗАПРЕЩЕНА ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СРЕДИ ГРАЖДАН РФ МЛАДШЕ 18 ЛЕТ.

ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ ЖЕСТОКОСТИ И НАСИЛИЯ.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	35
Глава 4	48
Глава 5	63
Глава 6	78
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Катэр Вэй, MnemoniK

Неправильный попаданец. Книга 1

© Вэй Катэр, MnemoniK

© ИДДК

Глава 1

Скрежет металла – задним бампером цепляю бордюр. Кажется, ещё чуть-чуть, и машина развалится прямо на ходу.

«Сука, сраная рухлядь! – проносится в голове. – Ну как так вышло-то?! Меня подставили. Точно подставили!»

Впереди – очередной узкий поворот. Ещё пара таких виражей – и прощай, задняя ось! Хорошо хоть находимся у чёрта на куличках... Хотя нет, не хорошо – плохо! Очень плохо! Уже десять минут безумной гонки, а ментов как не было, так и нет. Дьявол!

В памяти всплывают слова Димона: «Не лезь туда!» – ведь предупреждал же. Но нет, мне непременно нужно было сунуть нос в эту клоаку. На карте оставалось чёртово пятно: незакрытая зона влияния. Надо было расширять сферу... Куда теперь валить на этой грёбаной «четвёрке»? Где тут могут быть менты?

Меня зовут Толик. Я – решала. Или, как сейчас говорят, медиатор. Переговорщик с подвешенным языком. Проще говоря: надо кого-то уболтать? Убедить? Решить вопрос? Отдать, купить, продать, договориться с бандосами? Тут появляюсь я.

Решаю проблему – получаю гонорар или процент с бизнеса. Всё легко и просто. Но что делать, когда порешал все проблемы и траблы в городе? Когда закрыл вопросы в области и

почти во всей стране? Вот и я уже пять лет сидел на процентах – заслуженная пенсия по «выслуге лет». Но заскучал, захотелось адреналинчика – стариной тряхнуть. И тряхнул...

Мир вроде изменился: никто никого не мочит, всё решается не на стрелках, а в банях. А у меня давление. Постепенно отошёл от дел. И тут поступило предложение, от которого сложно отказаться. Старый друг-враг Краб.

В этот сраный регион вообще никто старался не лезть: тут с 90-х всё было через жопу. Кто ни приедет, либо пропадает, либо уходит вперёд ногами. А я-то, конечно, самый умный...

Отмороженные оказались такие, что даже слушать ничего не стали. Прострелили плечо. Экстренный муляж гранаты спас... Ну как спас – их это вообще не остановило. Пришлось кидать. Благо запал настоящий: бумкнуло.

Спотыкаясь и падая, вываливаюсь на улицу из их сраной забегаловки – а моей тачки нет! Ну и что дальше? Зато стоит «жигуль» – красный, сука, но с ключами в замке. Залезаю, завожу – тапка в пол, и вот я уже мчусь по узким улицам городка.

Выстрел, ещё один, ещё... Правое зеркало заднего вида разлетается вдребезги. Заднее стекло – тоже. В области правой лопатки становится горячо, потом тепло. Правая рука безвольно падает плетью на колено – от этого давяю на газ ещё сильнее.

Дьявол! Поворот. Левая рука не справляется с управлением. Чувствую, как машину начинает заносить – колёса сколь-

зят по мокрому асфальту. Пытаюсь выровнять, но поздно: удар. Металл скрежещет по бетону, салон наполняется визгом тормозов и запахом горячей резины.

Перед глазами вспыхивают огни, словно кто-то щёлкает выключателем. Мир превращается в калейдоскоп размытых цветов и звуков. Последнее, что ощущаю, – резкий толчок и... оглушающая тишина. Тьма.

* * *

Открываю глаза – и чуть не падаю лицом в грязь.

«Дьявол! Что за?..» – Мысли мечутся, во рту – привкус крови и пыли.

Встряхиваю головой, пытаюсь сфокусироваться, – и тут же получаю удар в подбородок. Несильный, скорее обескураживающий, словно от подростка.

«Огнестрел не используют – уже хорошо», – проносится в голове. Кулаками я махать умею – детдом научил.

Собираю взгляд в кучку. Лопатки горят и ноют – видимо, после аварии меня вытащили, а теперь устраивают самосуд. Сволочи. Ну что же, потанцуем...

Бью не глядя – на инстинктах, отточенных в девяностые. Кулак врезается во что-то мягкое. Не лицо, но ладно, попал, и то хорошо. Пытаюсь поднять взгляд – и тут же ловлю в челюсть с другой стороны.

«Суки сраные! Толпой гасят! Ничего, меня так просто не

возьмёшь...»

Приседаю и делаю подсечку. Чувствую, как нога встречается множество препятствий. «Вот же гады – их даже не трое». Пытаюсь встать – и прилетает, судя по всему, коленом в висок. Удар слабый, снова будто детский.

«Да что же такое? Кто вы, твари? Сейчас дядя Толя покажет вам жизнь!»

– Фига, у Писюна зубы появились! Гаси его, ребята! – раздаётся над ухом.

Удары сыплются со всех сторон: слабые, неуверенные, неуклюжие. Я отвечаю – как могу, как учили. Периодически кто-то крикает: явно выбывает из нашей «дружной компании». Каждый удар – один лежащий. В какой-то момент всё затихает.

Шатаюсь, затуманенным взглядом осматриваю поле боя.

Боги! Вокруг лежат подростки пятнадцати-шестнадцати лет. Я уложил больше десятка малолеток. Ужас в сознании перетекает через все границы.

«Я... сработал мелюзгу?! Фак! Дьявол! Регион мальки держат? Что за дичь? Детки паханов, что ли? Меня кончить дети пытались? Что происходит?!»

Оглядываюсь. Странные домики, полумрак. Асфальта нет – под ногами грязь, солома, какие-то обломки. Воздух пропитан смрадом: смесью навоза, прелой соломы и чего-то ещё тошнотворно-сладкого. Фонарей нет, лишь тусклый свет звёзд и луны. Ближайший дом – метрах в ста, над крыльцом

мерцает одинокий фонарь.

Встряхиваю головой ещё раз. Остаться в компании дюжины подростков, лежащих без сознания, – не лучшая идея. Рванул вперёд.

Не пробежав и половины пути до фонаря, понимаю: выдохся.

«Вот же дерьмо, почему так тяжело?» – останавливаюсь, тяжело дыша. Лёгкие горят, ноги гудят. И это после драки?

Пытаюсь восстановить дыхание: глубокий вдох, затем, обхватывая себя руками, – выдох. И тут меня пробивает дрожь.

Во-первых, до меня наконец доходит: при двух огнестрельных ранениях я слишком лихо машу руками.

Во-вторых...

Я – жирный.

Всю жизнь держался в форме: 180–80–18. Спросите, что это за циферки? Рост, вес и... размер в сантиметрах.

А сейчас... Руками ощупываю тело – под пальцами явно лишние складки.

– Дыши, Толя... А-а-а-а! Что с голосом?! А-а-а-а! – Я реально дал петуха, отчего ещё больше заголосил и снова дал петуха. Руки сами собой зажали рот, издававший эти дикие звуки.

– Петрушка! Хватит голосить! Вали домой, идиота ты кусок! – раздаётся старческий, но грозный голос со стороны фонаря.

Продолжая зажимать рот, неверяще перевожу взгляд на

источник звука.

«Так! Надо разбираться, и срочно».

– Дядь, – начинаю высоким, почти девичьим голосом, – поговорим?

– Денег не дам! – грубо отрезает голос. – Вали домой.

– Дядь, – я по привычке берусь брать быка за рога, – есть предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

– Очень интересно, – в голосе явственный сарказм, – тебе мало было в прошлый раз?

Мне, честно говоря, вообще фиолетово, но разобраться в своих догадках отчаянно хочется. Хлопаю себя по карманам – ни денег, ни мобилы. Шальная мысль бьёт в голову, но нужно удостовериться.

– Дядь, давай я тебе сделаю чего-то, а ты мне ответишь на любые три вопроса. Идёт?

– Петруха, ты бы Бога побоялся, такие вещи говорить. О-о-ох, моя фантазия! – Голос рассмеялся. – Воду натаскай, полы мне помой и баньку затопи. Холодает. Надо помыться.

С задачей я справился резво и быстро, но в целом чисто на ощупь. Дед (а это оказался настоящий дед лет эдак ста с плюсом) внушал ужас одним своим видом: казалось, он сейчас рассыплется, как старая пергаментная карта. Но при этом скорость его перемещения вдохновляла: он скользил по дому с ловкостью, несвойственной столь ветхому телу. Особенно если учесть, что мне стоило безумных усилий добратсья до его хатки.

Простой квадратный дом с покосившимися ставнями, участок с колодцем и небольшое строение – банька. Я довольно быстро принял правила игры и приступил к делу. Колодец, вороток, вёдра, баня... Бочки поставили меня в тупик: такие я видел только на картинах, в фильмах и в музеях – массивные, из потемневшего от времени дерева, с обручами, покрытыми ржавчиной.

Но финальную точку поставило зеркало в бане. Я даже вёдра выронил. На меня смотрело чудовище: жирное, уродливое, перекошенное. Лицо истинного дебила.

Широкий и низкий лоб. Чёлки толком нет – волосы начались почти на темечке. Сам череп сверху чуть приплюснут. Надбровные дуги – как крылья орла: такие же раскинутые и пушистые. Огромный нос – будто я тролль. За щеками не видно ушей. Торчащие передние зубы – причём не два, а почти вся верхняя челюсть наружу. Нижней челюсти, считай, нет. А слюна безостановочно течёт сама по себе. Картину дополняли свежие синяки, ссадины, кровь и грязь.

Одежда – отдельный вид искусства. Даже бомжи так не ходят. Настоящие крестьянские вещи – ну буквально такие, какие носили в XIX, а может, и в XVI веке: грубая льняная рубаха, подпоясанная верёвкой, порты, стоптанные лапти. Ужас какой-то. Всё в крови и явно в слюнях – моих слюнях.

Я взялся за своё ухо и оттянул его в сторону. Ощущения есть. Изменения в зеркале – тоже.

– Ну, варианта два, – попытался произнести я, но речь давалась с трудом: опухшее лицо тяжело воспроизводило звуки.

«Умер или в коме. Бред или... Ладно, посмотрим».

Таскать воду – что может быть проще? «Ё-моё, как же тяжело мне это сейчас даётся!» – мысленно простонал я. Маленькие плечи, тоненькие ручки и ладошки. Огромное пузо, ноги, невероятных размеров таз и зад. Я был натуральным лесным ублюдком антропогеновой эры. Р-р-р-р-р...

Я закончил беготню с вёдрами. Чисто навскидку прошло около часа – столько времени у меня ушло на то, чтобы наtaskать воду из колодца. Руки гудели, ноги гудели, спина гудела, голова шла кругом. Каждое движение отдавалось тупой болью в мышцах, явно непривычных к такой работе.

Дальше пошла растопка бани. Тут проблем не возникло: дрова имелись, щепки тоже. Единственная сложность – розжиг, но странный дед дал мне спички. Коробок был необычный: огромный, в два раза больше тех, к которым я привык. Сделав мысленную зарубку в копилку подозрений («Что ещё за архаичные спички?»), я продолжил выполнять свою часть сделки.

Мытьё полов я совершил быстро и задорно. Дед кинул мне под ноги тряпку. Ведро у меня уже было. А вот дальше началось...

– Старый, а швабра?

– Кого?

– Ясно, чую запах веселья! – В моей ситуации и с моим голосом это прозвучало комично даже для меня. – Я скоро!

Буквально через две минуты я вернулся в дом с двумя палками: одной почти двухметровой и второй совсем небольшой. Затребовал у деда нож и верёвку. Сделал паз в длинной палке, вставил туда маленькую поперёк и примотал верёвкой. Получилась дешёвая, кривая, но швабра.

Дед следил за мной с каким-то странным прищуром, явно что-то зная, но не подавая виду. В его глазах мелькал не то интерес, не то насмешка, а может, и то и другое сразу.

– Три вопроса! Помнишь? – проямлил я.

– Задавай, Петрушка. Скажу без утайки, – с откровенной издёвкой ответил дед, скрестив руки на груди.

– Где я живу?

– Ох, Петрушка... Как же ты всех утомил! От моего дома направо – пять домов. Твой – слева по улице, с зелёным забором. Опять завтра знахаря звать, – сокрушался дед, качая головой.

– Получается, я это всё уже спрашивал?

– Да!

– Ладно, второй вопрос...

– Третий! – отрезал дед.

– Ах ты, пень трухлявый! – Моё негодование било через край. Такими гадскими приёмами я уже лет десять не пользовался. – Ладно. Тогда самый важный вопрос: где я?

– У меня дома, Петрушка. У меня дома, – снисходительно

ответил дед, словно разговаривал с несмышлёным ребёнком.

– К чёрту подробности! – Я попытался сделать серьёзный вид, сжал кулаки, но они выглядели нелепо: маленькие, пухлые, совсем не мои. – На какой я планете?

– Петрушка, Петрушка... Планета, планета. Что дальше будет? – Дед покачал головой, будто разочарованный учитель.

– Просто ответь, дед.

– Сколько раз тебе говорить, ирод ты тугоумный! Не «дед», а Фёдор Михайлович!

– Фёдор Михайлович, не будь скотиной и дай мне точные координаты: что, где и куда.

Дед, услышав явно странные формулировки из уст «идиота», крайне удивился. Его брови взлетели, глаза округлились – видно было, что он пытается понять, шучу я или всерьёз.

– Планета Земля. Государство Российское. Тульская губерния. Село Хирино.

– Хер и но? Чего? – ничего не понимая, озадачился я. Мозг отказывался принимать услышанное.

– Хирино, идиота кусок! – вспыхнул гневом дед, стукнув тростью о пол.

– Ага. Хирино. Спасибо, дед, за всё. Я отчаливаю.

Он ругался мне в спину, но я его не слушал. «Такие дома уже не строят. Такого тела у меня быть не может. „Государство Российское“... Даже не империя и уж тем более не федерация. А значит что? Я попал. Ха-ха-ха. Попал. Осталось

понять – куда и что будет».

Сзади раздался лёгкий хлопок. Я обернулся – и обомлел. Фак! Дома нет! Нет фонаря, нет света. Что? Я встряхнул головой, пытаюсь прогнать наваждение. Не понятно ничего.

Одно было понятно точно: легко не будет. Тельце моё крайне убого, магией пока и вовсе не пахнет. А нахожусь я в Попихуйловке. Ну или в Дальнемухосранске, на худой конец. Ой, голова моя несчастная, ой, что я несу... Так! Всё! Отставить истерику!

Дом я нашёл быстро – насколько это может сделать жирный идиот. Одышка, грузность и моя убогость не давали возможности двигаться быстро и легко. Едва переставляя ноги, я добрался до искомого домика. Благо он находился недалеко.

Жилище оказалось самым убогим, какое можно было найти в округе: покосившаяся изба, словно сошедшая со страниц старинной сказки. Калитка держится на соплях, а забор... его и забором-то не назовёшь – скорее, хаотично натканные колышки, кое-как связанные верёвками.

Калитка была закрыта на какую-то хитрую заслонку. Устав разбираться с этим, я просто вынес калитку жопой. Она у меня колоссальных габаритов – сработала как таран.

В домике-избе было темно. Дверь опять-таки заперта. Пошарив по карманам, я нашёл одинокий ключик. Благо карманов всего два: один на рубаше, второй – справа на штанах (левый был оторван и висел лоскутом).

Спотыкаясь и падая, я проломился по дому – в прямом смысле. Кругом мусор, хлам и вещи, разбросанные как попало. Я сносил всё на своём пути, пока на ощупь не разыскал кровать.

Всё тело болело, ломило и ныло. Скотское покрывало, как, впрочем, и вся кровать, было липким и жирным. Оно липло к рукам и одежде, оставляя противный след. Стараясь не обращать ни на что внимания, я довольно быстро впал в тяжёлый и беспмятный сон.

Глаза открылись. Ковёр. Старый советский ковёр перед моими глазами. Боги! Я такое видел последний раз лет сорок назад – у бабушки в деревне. Где я, вашу мать? Я же разбился!

Стопэ! Дед! Мелкие ушлёпки! Точняк. Я попал – и явно не в сказку.

– Ха-ха-ха! – Я заржал в голос и тут же прикрыл жирными, липкими ладошками свою убогую хлеборезку. Ощупал лицо и череп, и сразу захотелось завывать. Последние надежды на то, что это бред разбитой башки, исчезли, как летний дождик в зной.

Встать удалось с безумным трудом. Тело не хотело слушаться, каждое движение требовало невероятных усилий. Я мутным взглядом осмотрел свою тушку – точнее, то, что можно было осмотреть. Например, член: захочешь – не увидишь. Причём это было не столько пузо, сколько вагон складок, свисающих со всех сторон.

Челюсть свело от отвращения к себе – вернее, к своему новому телу. Чисто ради стёба я сосредоточился на ближайшей шмотке, валявшейся в горе вокруг кровати. Выпрямил руку, направил на неё и начал дуться, делая попытки поднять её силой мысли.

Результат последовал почти незамедлительно – правда, не тот, которого я ожидал. Такого безумного желания посрать я не испытывал никогда прежде. И тут возник ряд вопросов и проблем.

Первая проблема заключалась в том, чтобы тупо встать. Это оказалось крайне сложно. Встать-то я встал, вот только ноги послали меня в эротическое путешествие, и я со всего маху навернулся в гору шмотья. Под ним оказались какие-то угловатые и твёрдые предметы. Было больно.

Матерясь и чертыхаясь, едва не родив через жопу, я всё же поднялся на ноги. Теперь встал второй вопрос: куда скинуть балласт? Вот уже пять минут я бегаю по дому и территории перед домом. Бегом это можно назвать едва ли – я тупо для него не предназначен. Каждое движение отдавалось тяжестью в груди и болью в коленях, а дыхание сбивалось после первых же шагов.

Наконец, когда дно уже начало давать слабинку, я увидел искомую будку.

– Аллилуйя!!! – во всё горло проорал я, пытаюсь перекрыть какофонию звуков, вырывавшихся из меня.

Следующий ужас настиг, когда я осознал: бумаги-то тут

нет! Вот это стало поистине сильнейшим испытанием. Оставив на полу штаны – если данное убожество можно так называть, – я принялся шарить по двору. Искал колодец, бумагу или, на худой конец, лопух.

Не было ничего. «Боги! Да как так-то?» В целом я уже ничего не стеснялся. Вчерашние воспоминания – как и воспоминания моего тела – накатывали волнами. Для меня ходить голым по двору, оказывается, нормально. Быть битым – тоже: все местные издеваются надо мной. Мать и отец давно умерли, а подкармливают меня лишь некоторые соседи – чтобы с голоду не сдох.

Собственно, то, что я не работаю и попрошайничаю, многих местных и бесит. Имущества у меня нет, кроме дома; сил нет, и стержня – тоже. Хотя при чём тут стержень? Тут явный набор диагнозов: синдром Дауна, аутизм, отсталость в развитии и бог ещё знает что. Причём в самых ужасных проявлениях. «Забавно будет, когда я стану... А кем я стану?»

Все попаданцы – обычно бывшие боги, великие личности и так далее. А я кто? Паренёк предпенсионного возраста с хорошо подвешенным языком...

«Как двусмысленно... Хотя мой язык меня спасал столько раз, что и представить сложно...»

– Петруха! – Мой домик пошатнулся. Сразу вспомнилась сказка про Ниф-Нифа и Наф-Нафа. – Недоразвитый! Сюда иди!

То, что я Петруха, я уже понял; то, что недоразвитый, –

увидел в зеркале. Но зачем так грубо? А домик почему шатается? То, что он убогий, я понимаю, но всё равно его надо серьёзно «вшатать», чтобы он начал дрожать. Едва перебирая жирными и опухшими ножками, я выполз на порог и открыл дверь.

Там стоял довольно статный мужчина: причёсанные тёмные волосы с сединой на висках. Эта седина ему очень шла. Эдакий доктор Стрэндж, мать его. Даже красный плащ присутствовал. Я осмотрел мужика мутным взглядом: всё же пол-лица опухло, а зрение явно изначально было далеко от идеала.

– Что лыбишься, уродец? Смешно тебе? – крайне злобно выкрикнул «доктор Стрэндж».

– Давайте без грубостей. – Я сделал шаг ему навстречу. – Пока не совсем понимаю, о чём речь, но договориться всегда можно.

Второй шаг я сделать не успел. Меня подняло в воздух, перевернуло вверх тормашками и прижало к стене «моего» дома. Я улыбался и смеялся: накатил приступ истерики. «Магия! Магия есть в этом странном, сраном мире. А то, что я убогий идиот, ничего не значит. Главное – то, что у меня внутри. И сейчас я это докажу».

– Уважаемый, давайте вы меня поставите на ноги и расскажете суть всех ваших претензий!

– Ты избил моего сына, мразь. И ты ответишь за это.

«Ха-ха-ха!» – Я смеялся мысленно, чтобы не обидеть это-

го идиота. Классика клиники – моя стихия. Доказать идиоту, что он идиот. Начнём.

– Уважаемый, первое...

Глава 2

Диалог, собственно, так и не состоялся. Поначалу чёртов маг никак не мог разобрать моих слов. Моя отёкшая тушка, перевёрнутая вверх тормашками, категорически отказывалась говорить внятно. Да и складки живота, лежавшие на горле, этому не особо способствовали.

Когда маг понял, что диалога в таком положении не получится, он вернул меня на грешную землю крайне вульгарным методом, банально отменив заклинание. Полёт оказался коротким и болезненным.

Я поднимался медленно и гордо – ну, так мне казалось. Маг же лишь морщился.

Главное правило решалы – никогда не подавай виду, что что-то пошло не по плану. Я обтёр руку о траву и, прикрыв срам собственным пузом, осмотрел мага.

– Нехорошо, уважаемый, – начал я максимально учтиво, но с лёгким нажимом. – Приходите ко мне в дом, пачкаете стены какашными узорами, переворачиваете хозяина, бьёте, в конце концов. Это прямо ни в какие ворота...

– Экий грамотей стал! Ты слов-то таких откуда набрался?

В моей памяти тут же начали всплывать воспоминания. А ведь я действительно почти не говорил – точнее, моё тельце. Собственно, с такими отклонениями вообще удивительно, как я существовал раньше.

Меня резко скрутил спазм в голове — я упал на колени и обхватил её руками. Пережитое сплошным потоком заполняло мою память: вспышки картинок, в основном издевательств и упрёков — как от сверстников, так и от взрослых.

Моменты прошлого приходили задом наперёд: от последних к более ранним. Вот спившийся отец замерзает в сугробе. Чуть раньше я ещё разговаривал с людьми, а после его смерти окончательно замкнулся. Воспоминания полетели дальше, отматывая месяц за месяцем.

Вот отец ещё похож на человека. Мать... Мать ещё жива. Я очень её люблю, и мы с ней общаемся. Посевы погибли, а скотина померла от какой-то болячки. Мать заболела, вылечить её не смогли — она умерла.

Я начинаю выть! Боль в голове уже невыносима, а воспоминания заливаются в меня потоком. Ещё более старый отрывок: мать жива, отец полон сил и решимости. Дом ещё целый и красивый, вокруг чистота и порядок. Большое стадо коров и огромные поля. Отец лучится счастьем, мать смотрит на меня с надеждой и гордостью.

Мне семь лет, и у меня появились задатки магии — крайне редкое событие для безродных крестьян. Чтобы проверить мой потенциал, вызывают целого мага-академика из Тульской академии волшебства. Он осматривает меня и хмурится.

Я чувствую, что у меня всё получится, что я избранный. Ведь в нашем селе никогда не появлялись маги, а значит, я

буду первым. Я совершенно нормального вида: лицо, тело, а главное – мой голос и слова. Я нормальный ребёнок.

Маг хмурится всё сильнее и сильнее, водит руками по моей голове и что-то бубнит. Я ничего не понимаю, но ощущения в теле странные. Маг лезет в мою душу, ковыряется там и причиняет мне дискомфорт. В груди сжимается комок боли – не сейчас, а тогда, в детстве. Я начинаю кричать.

– Ядовитая магия в нём! – кричит маг. – Прокажённая, запретная, тёмная. Не быть ему магом!

В голове и груди что-то хрустит, и я, маленький, отключаюсь. Поток картинок заканчивается, а я лежу на земле. Всё тело едва подрагивает. Мочевой пузырь даёт слабину, несмотря на то что недавно был опустошён.

Маг, который минуту назад хотел меня распять и покарать, сплёвывает на землю. Затем разворачивается и, матерясь на исконном русском, уходит в закат. Он сыплет проклятиями и карами египетскими, но мне сейчас не до него.

Вот в собственной моче я провалялся, наверное, с полчаса. Сил подняться не было, хотя я и пытался. Всё тело дрожало и ныло, а сильнее всего жгло в груди и голове. В последнюю будто раскалённый гвоздь вкручивали отвёрткой.

Наконец я смог сесть, привалившись к стене дома, и сквозь боль начал рассуждать.

Получается, магией моё тельце было наделено. Но маг-академик из Тулы меня забраковал. Мало того, он, похоже, что-то сломал во мне. Точнее, не во мне, а в моём предше-

ственнике.

Что потом? Судя по всему, именно из-за этого я и стал таким «красавцем», вследствие чего умерла мама, а отец не выдержал и спился. А я окончательно деградировал и откинулся в момент, когда меня шпыняли эти малолетки. Сердечко, видимо, не выдержало. Не зря я им рожи-то поначищал.

Каков, получается, итог? Магия во мне есть. Тело, наверное, можно вернуть в норму – понять бы ещё как. Учителя бы!

«Точняк! Маг этот злобный...»

Я уже собирался побежать за ним, но понял, что это не так просто, как раньше. Тело не слушается, сил нет. Да и сам маг вряд ли возьмётся меня учить, особенно в таком виде и состоянии.

На трясущихся ногах, опираясь о «какашную» стенку, я поднялся и выровнялся. Критически осмотрел себя и всё вокруг. Весь двор зарос бурьяном и какими-то кустиками. Лишь одна тропинка: от дома до калитки.

В памяти возник образ колодца: он точно есть – точнее, должен быть – как раз справа от меня. Но там сейчас трава выше пояса и кустистые деревья. Следующий флешбэк: за домом – сарай, и в нём есть кучка инструментов.

Добраться туда оказалось ещё той задачкой. И я уже даже не о немогущности своего тела. Тропинка из воспоминаний стёрлась из реальности, заросшая густым кустарником. При-

чём данные кусты я хорошо знал – малина.

Судя по всему, был конец лета. Во-первых, ещё относительно тепло для севера. Во-вторых, малина уже отошла, а вот колючки остались. Как мы помним, моя попа без штанов, а кустики колюченькие. В общем, удовольствие ниже среднего. Но вот в зарослях я разглядел искомую дверцу.

Попасть внутрь оказалось непросто. Кусты росли вплотную к двери, которая открывалась когда-то наружу. Пришлось дёргать малиновые кусты голыми руками – притоптать их ногами был не вариант: когда я бежал в клозет, то совсем не думал об обуви. Но вот дверь была открыта, а вокруг неё образовался свободный от зелени пятachок.

Здесь всё было так же, как при отце. Я сразу взгрустнул, стоило подумать о нём. «Дьявол, что за дичь? Какой, к лешему, отец? Я детдомовский».

Чувства паренька капитально интегрировались в мои. Такими темпами я вообще могу напрочь забыть, кто я есть на самом деле. Сбросив наваждение, я принялся изучать инструменты и буквально через пару секунд стал счастливым обладателем самодельного мачете. Воспоминания Петрушки подсказывали: оно крайне острое.

Острое-то оно острое, да вот силушки у меня далеки от богатырских. Решив не мелочиться, я собрался очистить весь двор, но уже спустя минуту передумал. Теперь моя цель – тропинка к колодцу. Точнее, создание нормальной тропинки к колодцу. Сказано – сделано.

На удивление, нагрузки пошли на пользу. Каждое следующее движение давалось легче и легче – ровно до момента, когда я разогнулся. Ведь весь путь я проделал на коленях и рубил кусты под корень. Встать, опираясь на колодец, оказалось чуть сложнее, чем после посещения воспоминаний.

Колодец был сложен из брёвен, и работа выполнена добротно: мощный вороток и рукоять буквой Z. Но имелась проблема: цепь есть, а вот ведра нет. У меня задёргался глаз в приступе злости и негодования. Пришлось напрягать память Петрушки, но найти в ней ведро оказалось крайне сложно.

Судя по всему, его он последний раз видел уже после смерти отца. А все воспоминания после этого были как в тумане. Пришлось пробираться на ощупь. Первое же место принесло результат: сарай с инструментами. Тут было всё, и в том числе вёдра.

Посадил одно на карабин, карабин на цепь – и давай крутить вороток. Первое же ведро воды я не раздумывая хотел вылить себе на голову. Точнее, так планировал, но поднять тяжёлую ёмкость выше пупка не удалось.

– Да что же ты будешь делать?!

Пришлось опять тащиться в сарай и искать вёдрышко поменьше – даже не вёдрышко, а кружку. Вот теперь процесс пошёл. Обливаться желанием уже не было, так что я просто обмылся при помощи небольшой посуды.

Холод сделал своё дело: зрение явно стало острее, да и в целом самочувствие улучшилось. И тут до меня дошло: я хо-

чу есть. Нет, не есть, а жрать! Прямо люто и капитально. А заодно пришло осознание: ел я последний раз позавчера – из помойки, сражаясь за еду со свиньями. Воспоминания об этом событии вызвали во мне рвотные позывы. Благо кишечник был девственно чист, так что результата не последовало.

Я осмотрел деревья в саду-дворе. К сожалению, яблоки ещё не спели, как и груши, а абрикосы отошли. Желудок призывно заурчал. Пришлось экстренно пробивать тропинку к яблоне: пускай зелёные, но хоть так.

Вот только осознание бестолковости действия пришло поздно. Залезть туда я не смогу, палку докинуть – тоже вряд ли. Проблемы были ещё и с координацией движений. Почесав рукоятью мачете в затылке, я развернулся и направился в дом.

– Не может там не быть никаких запасов...

Так и оказалось: в погребе, прямо в доме, должна быть какая-то крупа. Память была замылена отчасти, но шансы есть всегда. Проблемы начались с порога – даже руки опустились при виде этого логова бандерлога.

Вся мебель, кроме шкафов, поломана; вещи разбросаны по полу, как и предметы быта. Часть их была явно не отсюда, а принесена со свалок: в частности, ящики, куски бочек, сломанные стулья. Петрушка строил для себя домики и сидел в них сутками.

Сейчас, вспоминая свои – его чувства, я ощущал, как отворачивание к нему уходит. Мне было его безумно жалко. В це-

лом за всю жизнь я не жалел никого – не имел такой привычки. Но конкретно этот парень был совершенно не виноват в своём состоянии.

Его сломали, как вещь, и выкинули. А он пытался собрать себя в единое целое, таская с помойки запчасти и выстраивая вокруг крепости. Я сжал кулаки. Ненависть была лишь к магу, да ещё к людям, конченным людям, которые издевались надо мной – ним.

Откинув ностальгию и злость, я стал пробираться к кухне. Жрать хотелось до тошноты. Кухня выглядела точно так же, как и весь дом: хлам, домики, полусгнившие тряпки. Раскидав по углам мусор, я расчистил пол в центре и смог найти кольцо-ручку люка.

Открыть удалось раза с пятого, если не с десятого – я уже думал, что не получится. Внизу было темно, так что пришлось чуть подождать, пока моё и так не лучшее зрение пообвыкнет. И – о чудо! – первый же мешок оказался с гречкой. Я схватил жменю и поплёлся наверх.

Крупа вполне нормальная. Хотя я с самого детдома ненавижу каши и крупы, но сейчас... Подняв с пола первую попавшуюся кастрюлю, нырнул вниз и наполнил её на четверть. Выполз на свет, и тут до меня дошло: а на чём готовить? Вроде как Средневековье же? Нет? Где печка русская в центре дома?

Я осмотрелся – и тут же выпал в осадок. Электричество, мать его! Лампочки на потолке, выключатели на стенах, да-

же розетки – самые обыкновенные. Следующий шок – радиаторы под окнами и трубы, ведущие к ним.

– Да ладно? У вас что, и газ тут есть, что ли?

Осмотревшись более детально, я выяснил: газа нет, всё на электричестве, и есть даже плитка на две конфорки. Только вот Петрушка ею пользоваться не умеет – точнее, разучился. Годам к восьми, аккуратно спустя год после приезда мага.

Очередное воспоминание начало загонять меня в апатию. Чтобы убедиться в бренности бытия, я вышел на улицу и посмотрел на столб. Так и есть! Свет отключили за неуплату. Будь у меня своё тело, подкинул бы провода за пару минут, но в теле Петрушки даже думать на эту тему бессмысленно.

Уже собирался сесть на ступеньку с кастрюлей в обнимку, как гениальная мысль пробила мозг: костёр! Дрова должны быть с другой стороны дома. Там же и баня. Я тяжело выдохнул, поставил кастрюлю на крыльцо и взял мачете. Сегодня у меня очень активный день.

Новая тропинка далась мне тяжелее – голод крайне плохо сказывался на организме. А когда я увидел пустую поленницу, врезал себе ладонью по лицу.

– Идиот! Там в доме хлама на выброс – вагон. Бери и жги.

Я на крейсерской скорости отправился в обратный путь. Не успел я дойти до крыльца метров пять, как из кастрюли выпрыгнул хомяк.

Натуральный – причём здоровенный, откормленный – хомяк, а щёки его были чуть ли не вдвое больше его самого:

наглая тварь затолкала за них безумное количество гречки и пыталась свалить в закат. Но животинка переоценила свои силы и, едва подпрыгивая, бежала – прямо как я сейчас. Особенно не задумываясь, я подкинул мачете, перехватил его за лезвие и метнул в хомяка.

Лишь когда кинул, подумал, что зря: теперь ещё придётся выискивать железяку в кустах. Как же я ошибался! Попасть-то я попал, только не остриём, а рукоятью. Правда, туда, куда хотел: в шею, между головой и тельцем.

Гречка изо рта ворюги посыпалась во все стороны; сам зверёк, что-то пискнув, приземлился плашмя и замер. В целом грех расстраиваться: вор нейтрализован, гречки ещё целый мешок, а главное – огромная тушка хомячка.

В целом это даже и не хомяк, а целый тушканчик. Исполнинских размеров – почти капибара. Я подошёл к тельцу, потыкал в него палочкой, а то, не дай бог, палец откусит. Нет – пациент скорее мёртв, чем жив. Я приподнял его за заднюю лапку – больше килограмма однозначно. На моём лице появилась алчная улыбка.

Отвратительно хихикая, временами даже похрюкивая, я уложил трупик на место кастрюли, а сам с ёмкостью отправился в погреб за крупой. Уже через пару минут во дворе, прямо перед входом, было сооружено нечто вроде кострища.

В дело пошло всё, что могло гореть: куски кирпичей и камней (для обкладки), железо (в качестве подпорок). Также я стащил из дома газеты, стулья, столы, бочки и ящики. В

общем, деревянного хлама оказалось более чем достаточно. Сбежал к колодцу, принёс воды. Долго ковырялся в кухонной утвари в поисках ножа, но в конце концов удача мне улыбнулась.

Все компоненты были готовы: костёр горел; гречка, залитая водой, стояла на огне; нож – в руке, а хомячок ещё не успел остыть. Меня резко охватило отвращение к тому, что я собирался сделать. Я встряхнул головой: «Что за наваждение?»

Но едва я перевернул хомячка кверху пузом и занёс нож, как тут же замер. Эти крошечные глазки-бусины смотрели на меня остекленевшим взглядом. По спине пробежали мурашки. Борьба с самим собой длилась больше минуты и завершилась победой слюнтая-Петрушки.

Я попытался зарычать, но вышел какой-то совсем отвратительный звук. Нож полетел в стену и – о чудо! – воткнулся остриём. В сердцах я пнул кусок стула, схватился за ушибленную ногу и повалился на ступеньки.

Вода в кастрюльке закипела слишком быстро, вследствие чего всё содержимое побежало в огонь. Я резко встал, но голова закружилась, я оступился и полетел в костёр. В последний момент мне удалось извернуться, избежав участи встретиться мордой лица с огнём.

Перевалившись на спину, я тяжело задышал.

«Чёртов хомячок, чёртов Петрушка – мямля и слюнтая».

Решив дальше не искушать судьбу, я от греха подальше

зашвырнул грызуна в кусты. Но когда я коснулся тельца, в груди что-то произошло. На душе стало приятно и тепло. Я тщательно всмотрелся в животинку – сам не знаю, что искал.

Что-то внутри меня взяло всё моё тело под контроль. Правая рука легла на коричнево-белого зверька. Энергия, скопившаяся в груди, побежала в правое плечо, опустилась к локтю, перешла в пальцы. Я почувствовал, как из меня что-то выходит: прямо с кончиков пальцев исходил едва уловимый зеленоватый свет.

Ничего не происходило, а внутри опять начало разливаться тепло. Когда температура дошла до едва терпимой, скопившаяся энергия вновь проделала путь по моему телу. К моменту, когда процедура завершила третий круг, я едва стоял, а в глазах плясали красные кляксы.

Что-то толкнуло меня в ладонь – и сознание помахало ручкой. Очнулся я уже на закате, изрядно замёрзнув. Но больше меня поразило не то, что я отключился, и не то, что замёрз. Даже не тот факт, что хомячок размером с полкурицы был жив и крайне активен. Меня обескуражил его вид.

Шёрстка стала чуть зеленоватой. Когти – длиннее, как и зубы. На голове красовались два маленьких красненьких цветочка. Из-за спины виднелись веточки и листики, которые, видимо, росли прямо из существа. Но больше всего пугали глаза зверька – в них плескалась сама тьма. Меня передёрнуло.

Зверёк заметил, что я очнулся, пристально посмотрел мне

в глаза и упёр лапки в жирные боки. Чуть постояв так, он указал на меня кривым когтистым пальцем и во всю свою хомячью глотку запищал, крайне забавно подпрыгивая на месте. Праведный гнев в чистом виде.

– Пи! Пип-пи-пи! Пи-пи-пип-пип-пи!

Вдруг я осознал: я понимаю, о чём он говорит. Не дословно, и переводчиком мне не стать. Но зверёк крайне огорчён тем, что я «убил» его, а теперь он не может уйти. Он требует отпустить его, иначе превратит мою жизнь в ад – так же, как я превратил в ад его жизнь.

Я сел – причём довольно легко, – почесал затылок, критически осмотрел бунтовщика и, злобно улыбнувшись, обратился к хомяку:

– А ты уверен, что твоя жизнь теперь – суший ад?

Хомячок резко замолчал, а глаза его стали увеличиваться в размерах. Мне даже стало страшно – как бы не лопнули! Но в какой-то момент хомячок вернулся к прежнему виду и лишь произнёс обречённо:

– Пип?

– Если я правильно всё понял, мой пушистый друг, мы устроим полный «пип» всем, кто нас обидит...

Глава 3

Хомячок явно задумался: подпёр подбородок правой лапкой, вторую сложил на груди. Стоял так почти минуту – я уж было подумал, что всё, карачун пришёл мохнatomу. Решил проверить – потыкал пальцем.

Больше всего меня заинтересовали цветочки на его голове. Необычные, но вроде знакомые. В парках таких не видел, но явно земные или аналогичные им.

Понимание пришло слишком поздно. Старых рефлексов, может, и хватило бы отдёргнуть руку, но нынешних – точно нет. Чёртова мухоловка! В земном варианте – венерина. Только эта целиком красная, снаружи и изнутри. Не узнал я её лишь потому, что зубы-колючки были спрятаны.

Всё бы ничего, но клыки у этой твари будто из стали. Гадкий хомяк, пользуясь моей оплошностью, отхватил мне полпальца. Я взвыл, а он завалился на спину и радостно запищал:

– Пи-пи-пиу! Пип-пи-пи-пиуп!

Тварь каталась с боку на бок и, держась за живот, откровенно ржала. А я визжал диким высоким голосом, и слюни летели изо рта. Остановить этот процесс я не мог несколько минут.

Когда до моего альтер-эго дошло, что если ничего не предпримем, то умрём, крик сам собой прекратился. Я сорвал

рукав с правой, раненой руки и начал заматывать палец. Замотав, врезал себе ладонью по лбу:

– Даун как он есть. В этой тряпке, поди, даже бомжи не сношались, а я её на рану...

– Пи-пи-пип-пип-пи, – ехидно заметил хомяк.

– Ничего, крыса вонючая. Дай только кровь остановить, я тебя так отделаю, мать родная не узнает.

Хомячок снова задумался. Видимо, ехидства в нём до фига, а вот мозга крайне мало. Даже глазки сузились: размышляет, гад, очередную подляну придумывает.

Я размотал повязку и вгляделся в неровный кровотокающий срез. Ублюдок раздробил кость: кусочки торчали из раны. Взглянул на левую руку – вся в грязи. Дьявол! Осмотрелся: потухший костёр, сгоревшая гречка в нём. Классика холостяка в студенческой общаге: утро после попойки на День студента.

– Тварь пушистая! – обратился я к хомяку. – Палец видишь?

– Пиу-пиу! – залился хохотом хомяк.

– Пиу-пиу, да-да! Нет ни хрена пальца, урод! Я сейчас от потери крови сдохну!

– Пиу-пиу-пи!

– Да-да. Только ты отправишься сразу же за мной!

– Пип? – Хомяк резко перестал ржать, сел на попу и начал поочерёдно моргать своими тупенькими глазками.

– А хер ли ты хотел? – уставился я на него как на идиота. –

Я пока не разобрался в местных правилах, но, судя по всему, я тебя воскресил. Во всех фильмах и книгах, что я читал и смотрел, со смертью хозяина наступает смерть его слуг.

– Пи-фип! – Хомяк резко подпрыгнул и гневно заверещал.

– То есть, – начал я, хитро прищурившись, – из всего, что я сказал, тебя огорчает лишь то, что ты мой слуга?

– Пи-и-и!

– А то, что ты сдохнешь, тебе пофиг? Ты вроде хотел по своим хомячьим делам свалить в закат.

– Пи-у-у-у! – Хомяк, осознав критичность ситуации, ударил обеими лапками по мордочке и потянул пушистые щёки вниз.

При этом глаза его начали буквально вылезать из орбит. Я на всякий случай отклонился и прикрылся рукой: вдруг лопнут – забрызгают. Хомяк завис – явно «загружал локацию». Цветочки на голове то вяли, то распускались.

– Болезный! – рявкнул я. – Чего ждём? Верёвку мне любую принеси! С каждой каплей моей крови срок твоей жизни падает!

Хомяк совершил головокружительный прыжок. Я даже восхитился: вот это тушкан... ой, хомяк! Он приземлился на лапы и растворился в зелени. А я остался любоваться тем, как кровь капает на траву. Ну а что ещё мне оставалось?

Ожидание, к слову, не затянулось. Вскоре хомяк притащил верёвку. Я обмотал её вокруг пальца чуть ниже укуса.

Кровь перестала литься, и я погрузился в тяжёлые раздумья. Откушена фаланга. Перетянул у основания. Значит, всё, что выше, отвалится. В лучшем случае. А в худшем ещё и гангрена грозит. Дьявол! Что делать-то?

– Пип? – обеспокоенно пискнул хомяк.

– Да ты что?! Тебе вдруг стало интересно, как я? Пошёл в жопу!

Я от души пнул скотину. Ну как пнул: просто выпрямил ногу в колене. Хомяк стоял как раз на траектории разгиба. Животное пролетело полметра, пару раз кувыркнулось и встало.

Вот теперь мне стало страшно – точнее, не мне, а моему второму «я».

– Стояночка, какое ещё второе «я»?

«Здравствуйте, дядя!» – раздался тихий детский голос в моей голове.

– Вот зэ фак?! Парень, что бы ни происходило, молчи. Молчи ради всех святых: Бога, Аллаха, Кришны, Будды и так далее!

Ответа не было, и это скорее огорчило, чем обрадовало.

«Голове конец, – подумал я. – Так может, и хомяка уже нет?»

Перевёл взгляд на грызуна и вспомнил: он-то обиделся. Я выхватил обгоревший кусок палки из потухшего кострища и ткнул им в сторону хомяка:

– Сдвинешься на сантиметр – завалю на хер. Андерстенд?

– Ха-ха-ха! – раздался смех откуда-то из-за спины. – Писюн заговорил. Он с палкой разговаривает!

Я попытался развернуться сидя, но центр тяжести сыграл злую шутку, и я завалился на спину. Хомяк пропал из поля зрения и тут же начал действовать: прыгнул мне на грудь и цапнул острыми зубами за сосок прямо сквозь рубашу.

– Ну его к лешему! – испуганно прозвучало рядом. – Он, говорят, вчера десятерых раскидал!

– Нас пятеро было! – отозвался другой голос. – Ну его! Валим отсюда. Гоу в лес – там вроде хворика видели.

Шум стал отдаляться, а я продолжал стучать палкой по своему складчатому пузу и груди. Правда, хомяка там уже не было. Я понял это после пятого или десятого удара. Тварь снова издавала радостное «пип» и каталась по земле.

Я сел и принялся изучать свой сосок – свой собственный, надо сказать. Размер – однозначно единица, может, полторашка. Мерзкое зрелище. Пришлось снять рубашу: тварь прокусила меня основательно и без изысков.

– За такой пирсинг в Москве с тебя бы шкуру на перчатки пустили! Кости – на муку, а мясо падальщикам выкинули! – орал я в сердцах. – Ты, шерстяная мразь!

Палец, сосок, пропавшая гречка, пустой желудок и эти уроды за забором... Отчаяние накрывало с головой. Но вдруг до меня дошло: моя «начинка», которая внезапно ожила, и есть причина моего нынешнего состояния и настроения.

– Пушистик? – позвал я равнодушным голосом вредителя.

– Пи? – Он моментально перестал смеяться и сел на попу. Глаза стали такими добрыми-добрыми, что мне аж пристрелить его захотелось.

– Видишь? – Я показал ему палец и, не дожидаясь очередного «пип», продолжил: – Сразу я не умру, но через день-два сыграю в ящик.

– Пиуп. – Рот хомяка открылся, а глаза опять полезли на лоб.

– А ты как хотел? К тому же ты нежить явно. Хотя... нет, не явно – цветы на голове. Дичь! Короче, я весь поломанный. Тут где-то мачете валяется – найди и принеси.

– Пипуп?

– Да не «пипуп», а каком к небу! Сдохну я – сдохнешь ты!

– Пиумп?

– Штука, которой я тебя кокнул. Железная, широкая, с деревянной рукояткой. Вся длина – как ты, может, чуть длиннее.

Хомяк резко вытянулся по струнке – я слегка офигел. Создание стало чуть ли не мне в пояс.

– Если так, то меньше тебя – почти в два раза.

– Пшшр-пи.

– Сам в зад пошёл. Вот же урод шерстяной.

Последние слова хомяк уже не слышал – он опять растворился в зелени. А я встал. Легче и быстрее, чем раньше, но

голова пошла кругом. Голод явно добивал меня: с каждой минутой состояние становилось всё критичнее.

Первым делом я отправился к колодцу. Матерясь от боли в пальце, поднял ведро воды, отнёс к костру и вымыл кастрюлю с пригоревшей гречкой. Ну как отмыл? Сбил основную массу.

Затем сползал в погреб и принёс ещё гречки. Дальше разжёг костёр заново и водрузил туда кастрюлю, от которой нещадно разило горелым.

– Да где же ты лазишь, тварь пушистая? – спросил я в сердцах.

От резкого укола в задницу я даже не ойкнул. Это было настолько ожидаемо, больно и обидно, что я лишь медленно повернул голову. Хомяк довольно скалился, сидя позади меня. Из раны текла струйка крови, а рядом лежало мачете.

Первое желание – схватить мачете и отрубить твари башку. Но я понимал: не успею. Пушистик давно зарекомендовал себя крайне мстительным зверьком. «Может, он самка?» – подумал я, но тут же прикусил язык.

Медленно, с опаской потянулся к оружию. Хомяк склонил голову набок, сложил лапки на груди и уставился на меня пристальным взглядом. Я взял мачете и воткнул его в костёр. Хомяк выдохнул – натурально, всерьёз.

Дальше я засунул правую руку в ведро с водой. Палитра ощущений была неопишима. По-моему, я даже описался, но это не точно. Тело жило своей жизнью, о разуме пока пред-

почёл не думать. Когда боль стала почти терпимой, я решил очистить рану от грязи, сгустков крови и осколков костей. Действовать пришлось левой рукой. Эпическая сила... Какой непередаваемый кайф я ощутил! Вот теперь я точно описался и чуть не отключился.

Решив больше не испытывать острых ощущений, продолжил болтать пальцами в ведре. Кайф был, но уже не через край. Писаться было уже нечем. Достав руку и критически её осмотрев, я кивнул сам себе. Впереди было самое сладкое.

– Пушистик! Слушай внимательно.

– Пик-пук-пи.

– Да клал я на твоё мнение. Будешь Пушистиком, если жить хочешь. Когда я отключусь,ними с моего пальца верёвку, понял?

– Пиф?

– Если кровь продолжит идти – заново навяжи!

– Пик-пи-пик-пи.

– Да срал я на твои лапки. У всех, мля, лапки. Завяжешь с Божьей помощью. Нехер было мне палец откусывать.

– Пифк!

– Да, только эти цветы у тебя на башке. Дятел!

Сталь на мачете стала уже полностью красной. Я аккуратно взял его за рукоятку – та неприятно обжигала.

«Ё-моё, что сейчас будет... Голливуд, я иду к тебе!» – с этими мыслями я опустил раскалённое лезвие на обрубок пальца.

Я не отключился. Больно было, но не могу сказать, что сильнее, чем от укуса за сосок. Запахло жареной курочкой – я отодвинул мачете. Запах стал ярче, а взору открылась неприятная картина: жареный пальчик – зрелище не для слабонервных, особенно когда он твой собственный.

Взглянул на орудие, приложил его к ноге – лишь на миг, сразу отдёргнул. Запах палёной шерсти усилился: на ногах её было с избытком. А вот боль... Я задумался, но тут же вернулся в реальность: вариантов-то мало.

Хомяк пристально всматривался в меня, вытянувшись по стойке смирно, – наши глаза оказались на одной высоте.

– А-а-а-а! – завопил я внезапно.

– Пи-и-и-и-и-и-и-и-и-и! – залился хомяк и упал навзничь.

Он замер, а я разразился гоготом. Хомяк из позы лёжа поднял голову и злобно на меня зыркнул. «Сука, похоже, я не жилец!»

– Пикп? – покрутил пальцем у виска хомяк.

– Сам дебил! – огрызнулся я.

Мачете отложил подальше – пусть остывает. Срочно отодвинул кастрюлю: вода опять начала убегать. Сосок, жопа и палец – всё болело. Но я задумался: если боль ощущается слабее, чем раньше, то насколько же она должна быть сильной в норме? Подозрения насчёт адского хомяка крепли.

Последний, кстати, сидел по-турецки, подперев голову лапками. Смотришь на этот плюшевый комок, и сразу хо-

чется его тискать. Но стоит ему открыть рот или начать действовать, в голове только одна мысль: «Убить!» И желательно максимально эффективно.

Гречка сварилась, вода выкипела. Я успел сбегать за вилкой в дом. Да, вилки были – это меня шокировало. Ожидал увидеть деревянные ложки, а тут... Хотя о чём это я? Электричество есть, Карл, электричество!

Гречка вышла сухая, без масла, горелая, но жрать хотелось так, что я трижды укусил себя за язык. Напился воды прямо из колодца и под последние лучи солнца поплёлся в дом. Как добрался до липкой кровати, помню смутно. Сон накрыл моментально, стоило лечь.

Глаза открылись! На груди сидит адская тварь: чёрные глаза, цветочки на голове. Я не думал: удар кулаком – зверёк летит. Когда раздались характерный «шмяк» и грозное «пиу-пи», я всё вспомнил.

Обвёл мутным взглядом комнату и на рефлексах снова дёрнул рукой. Полёт хомяка повторился. «Хех, рефлекс восстанавливаются – хорошо!»

– Не лезь ко мне! – действительно проговорил я, садясь на кровати. – Мы в разных весовых категориях.

Хомяк замер на куче мусора посреди комнаты, наклонил голову набок. Взгляд крайне подозрительный: тварь опять что-то задумала. Пока мы вошли в паритет – ну почти. Два хука против трёх укусов, из которых минус палец. Но реванш ещё возьмём – дайте срок.

Острее стояла проблема голоса в голове: он оказался крайне послушным. Но даже в его отсутствие осознание, что он есть и влияет на мои действия, огорчало.

«Ты тут?» – спросил я мысленно.

«Тут, дядя!» – последовал моментальный ответ.

«Как зовут? Сколько лет?» – с детьми не доводилось вести переговоры, но не думаю, что будет сложно.

«Петя! Шесть лет с половинкой. Даже больше. Семь скоро. А я где?»

Вот так вот! Ёбушки-воробушки... Всё сразу стало на свои места. Пацану сломали сознание: застопорили, не дали развиваться ни ему самому, ни его дару. Оставили лишь оболочку без души.

«Хм-м-м... А я – дядя Толя. Давно тут сидишь?»

«Не знаю. А где я?»

Мля, вот что ему ответить?

«Так сразу и не скажешь. Но я попытаюсь. Давай начнем с простого. Что ты видишь?» – Я перевёл взгляд на хомяка.

«Необычного хомячка. Слишком большой, и цветочки смешные. Глазки, правда, странные, но он мне нравится».

«А вчера, когда я тебе сказал молчать, ты видел после этого что-нибудь?»

«Вы палец мачете прижгли. Ругались с хомяком и кушали гречку. Что с моим домом? Где мама?»

«Пуру-пу-пу-пурум...»

«Вы тоже стали хомячком? Только я так не понимаю. Ду-

майте словами!» – парень почти кричал.

«Что ты помнишь последнее?»

«Мама сказала, что завтра приедет маг из Рязани. Это будет круто. Я маг, я буду самый крутой. Светка обзавидуется».

И вот как ему объяснить, что он как бы уже давно овощ, а ещё труп, а ещё я в его теле, а ещё это тело уже не тело, а мешок, а ещё... Да ну на фиг. Такое даже я не протащу в Госдуму. Придётся резать по живому, иначе херня получится. У нас всё же тело одно на двоих. Хомяк-тиран есть, ещё бунтаря внутри себя не хватало.

«Так, братан, ты сильно не буксуй, но у нас проблемы».

«Где мама?»

«Петя, тут дело такое. Я точно не понял ещё, но тот маг приезжал к тебе лет десять назад, может, пятнадцать. Давно было дело».

«Где мама?» – парень почти кричал в моей голове.

«Он сломал тебе голову. Запер тебя внутри и заморозил время. Ты спал весь этот срок».

«Где?! Моя?! Мама?!» – В этот раз крик сопровождался выплеском силы, хомяк схватился за сердце обеими лапками и упал навзничь.

«Петя, блин, погоди ты кипеж наводить».

«Где? Моя? Мама?» – Выплеск силы стал ещё мощнее, а хомяк резко подпрыгнул и истошно запищал, бешено вертя глазами.

– Умерла! – в сердцах крикнул я внутренне и вслух. – Нет её больше, и отца твоего тоже нет. Ты внутри моей головы. Одно тело. Я вообще из другого мира и ни хрена не знаю.

«Как вас зовут?» – совершенно спокойно спросил детский голос, а у меня по спине побежали мурашки.

«Толик», – с лёгкой опаской ответил я.

«Дядя Толик, давайте дружить?!» – Интонация и фраза из фильмов ужасов заставили мои «фаберже» уменьшиться вдвое.

«Конечно, давай», – ответил я, собрав всё мужество в кулак.

«Вы сказали, я в вашей голове, но я чувствую своё тело, вот только воспользоваться не могу. Почему?»

«Тут так в двух словах не объяснить...»

«Вы сказали, дядя-маг сломал мою голову?!»

«Ну что-то типа того. Тоже так сразу не объяснить. Я сам мало чего понимаю».

«Мои мама и папа поэтому умерли?»

«Блин, пацан, это прям, ну, всё не так просто в этом мире...»

«Дядя Толя, вы мне поможете?» – Голос пробирал меня до самых костей.

– В чём именно? – едва прошептал я вслух, а хомяк, будто слышал весь диалог, сжался в комочек.

«Убить каждого, кто виноват!!!»

Глава 4

«Милый ребёнок, виноват в чём?»

«Мама!» – всё, что ответил мальчик, а моё сердце сжалось – своей матери я не знал.

«Ты винишь кого-то конкретного?» – начал я проработку сокамерника по сознанию.

«Маг!»

«Имя?»

«Не знаю».

«Варианты?»

«Не знаю», – совсем по-детски расстроился Петя, а его голос наконец-то стал нормальным.

«Я не против тебе помочь, но чтобы что-то получилось, у нас впереди много свершений и проблем».

«Каких?» – Парень совсем поник.

«Даже если мы сейчас найдём мага, как его гасить?»

«Не знаю...»

«Я тоже. Я вообще из мира, где магии нет. Представляешь?»

«Не-а! – интерес проклюнулся у парня. – Это как? Как вы там живёте?»

«А вот так. Но это всё фигня, давай разберёмся с нашими монашками».

«С кем? – Голос почти смеялся. – Мошонками? Ха-ха-

ха».

«С этим отдельная эпопея. С делами насущными. Ты же местный. Обучи меня всему, что знаешь. А то нас сейчас любой калека забить сможет».

«Да куда там! Я по силе – как любой взрослый. Сила-то проявилась», – с нескрываемой гордостью произнёс парень.

«Даже так?! – задумался я. – Вот почему мне в целом становится лучше и лучше и двигаться легче и легче. Ты просто нас в зеркале не видел».

«Покажете?» – с надеждой спросил Петя.

«Ох, братец, покажу, но лучше тебе этого не видеть».

Я вспомнил, что вчера, шарахаясь по филиалу мирового бомжатника, видел зеркало. Оно было на дверце шкафа, которая валялась в одной из комнат. Когда я уже шёл по дому, Петя в моей голове охал и ахал. Мне его стало откровенно жалко – видеть отчий дом в таком состоянии. К тому же для него прошёл едва ли день.

Когда я молча поднял дверцу шкафа с пола и уставился на своё отражение, в голове раздался душераздирающий вопль. Морально я был готов к этому. Но не стал отводить взгляд, как и закрывать глаза. Напротив – приставил зеркало к стене, освободив руки, и начал тыкать в себя, доказывая, что это не маска, а реальность.

Мальчик в голове кричал, потом плакал, потом шмыгал носом. Позже рычал и явно мысленно убивал всех причастных. Я ждал. В таких ситуациях надо сразу показать, что ты

не враг, иначе потом будет тяжело. Пусть ему сейчас больно, обидно и страшно, но я говорю ему правду. Я его друг.

Да, есть немалый шанс, что он свихнётся. Ходить с психом в голове – то ещё удовольствие. Но риск – дело благородное.

«Хватит! – крикнул Петя. – Отвернись. Не хочу больше это видеть».

«Тоже мало желания, но надо привыкать», – сказал я и отвернулся.

«Что теперь?» – Парень ещё шмыгал носом, но уже пытался размышлять.

«Вопрос отличный. Я пока...»

Мой мысленный диалог прервал истошный писк хомяка. Вначале я хотел послать пушистую тварь ко всем хомячковым матерям, но всё же решил подойти к окну. Грызун неистово прыгал на подоконнике и тыкал пальцем куда-то вдаль. Из-за резкой смены собеседника и плохого синхронного перевода произошла заминка. Когда же смысл писка хомяка до меня дошёл, я слегка подзавис.

– Уверен? – переспросил я хомяка.

– Пик-пук! – поставил руки в боки хомяк.

– Я тебя на швабру надену, у меня в башке ребёнок живёт, базар фильтруй.

– Пи-пи-пип-пип-пи-пук-пок!

– Уверен?

– Пик-пук?!

– Где моя швабра?

– Пи-пи!!! – замахал хомяк ручками-лапками. – Пи-ууу-пок-оп-пи. Пип-пи-по-пу.

– Завязывай с такими привычками. Где мачете? – оскандился я, счастливый. – Надо же проверить. А вдруг тут не просто магический мир? Может, тут ещё и уровень качать можно?!

– Пи-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и... – обречённо простонал хомяк, покрутив пальцем у виска.

Я его уже не слушал, двигаясь к двери, словно горная лань – только старая, раненая, с ДЦП, которую месяц били током. От этой мысли в голове хихикнул паренёк, отчего я икнул. Делить голову с малолеткой – то ещё удовольствие.

Неправильный я какой-то попаданец. Попал в тело, мягко говоря, не первой кондиции. Компаньон – хомяк-сандист-бунтарь, а в башке сидит хозяин тела в возрасте семи лет. Трэш!

Я открыл дверь, и до меня донеслись отдалённые крики. Улыбка сама собой вылезла на лицо. Я вспомнил своё отражение, представил эту улыбку на том ужасе – и сразу стал серьёзным. Но предательская слюнка успела упасть мне на ногу.

– А где ботинки взять? Пофиг, буду босеньким.

Мачете нашлось быстро. Только я собрался двигаться к выбитой калитке, как меня осенило: «Что я за рыцарь без щита, епона мама!» Память Петрушки-Пети, как и его подсказки, помогла быстро найти искомое.

Огромная кастрюля в сарае мне была не нужна, а вот крышка от неё – самое то...

– Утро-о-ом-м-м... По грязной тро-о-о-пи-и-инке-е-е... – голосил я дурным, ужасающим голосом. – Медле-е-е-нно-о-о брё-ё-ёл сла-а-а-авный геро-о-ой... – Хомяк еле успевал за мной, хотя я шёл не торопясь, экономя силы. – Бы-ы-ыл он взъе-е-ро-о-ошен, с седо-о-ой го-о-оло-о-ово-о-ой... – Петя в моей башке умолял меня заткнуться. – И у-у-улы-ы-ыба-а-ался-я-я... – Мне казалось, что хомяк снова сдохнет, в этот раз уже от смеха. – По по-о-о-олю он бе-е-егал, по ле-е-есу-у-у... – был я, плюясь слюной. Что поделать? По-другому я просто не мог. – Пото-о-ом и к ручью-ю-ю... – Вот уже и перекрычать крики людей не получается – я близко. – Хо-о-отел он поймать быстру-у-ую мо-о-олни-и-ию-ю-ю!!!

Я ударил мачете по своему щиту, ознаменовав окончание выступления. Как по волшебству, из дома на дорогу вывалились некто. Гоблины классические – ну не знаю, что-то в них было от гоблинов. Вот только цвет фиолетовый. Из жопы торчит хвост, чем-то напоминающий кошачий, с прямым жалом на конце.

Твари тащили тело какой-то женщины. Признаков жизни – ноль. Собственно, со вскрытым животом жить сложно. Я критически оценил обоих моих новых знакомых. Они оценили меня – и уронили тело на землю. Желание качаться сразу пропало.

– Уважаемые, предлагаю сесть за стол переговоров! – на-

стоятельно проямлил я, делая шаг назад.

Первая тварь кинулась довольно стремительно ко мне, но в метре замерла, наклонилась, и хвост-жало выстрелил в цель. Мои рефлексy... Как же я рад, что они становятся всё лучше и лучше! Закрыться полностью я не успел, но жало отклонил в сторону щитом.

– Никогда не поздно преломить хлеб, – повторил я попытку.

– Скр-р-ре-е-е... бр-р-р... – прострекотало существо.

«Так, они не безнадёжны. Осталось найти переводчика!»

Теперь атаковали они сразу вдвоём. Первый прыгнул вперёд и попытался ударить лапой мне по ногам. Когти, кстати, как у медведя. Мачете пробило руку твари, пригвоздив её к земле. Второй хлестнул хвостом, но я прикрылся щитом. Щит пробил защиту и остановился в паре сантиметров от жирного тельца. Капелька слюны упала на кончик жала – и оно тут же начало дымиться.

Стрёмное существо что-то проскрежетало и выдернуло жало из щита. Но тут же пригвождённый к земле уродец выстрелил в меня своим хвостом. Едва я успел подставить под этот удар щит и капнуть слюной на жало второго, как ощутил боль в плече.

Первый гадёныш меня достал. Я не тянул двоих...

– Хомяк? Ты помогать будешь? Нет? Ты помнишь? Ты и я! Вместе до смерти – и все дела.

– Пи-пип-пи.

Я ничего не ответил этому матюгливому животному – просто не было времени. На меня наседали: уколы хвостов и удары лап. И тут до меня дошло: моя слюна! Я мощно вдохнул, после чего собрал всё, что плескалось в носу. Судя по всему, Петрушка болел – собралось, думаю, граммов двести, не меньше. После чего я, внук ворошиловского стрелка, совершил прицельный выстрел.

Оказывается, мой рот прекрасно приспособлен к стрельбе: я заляпал всю рожу фиолетовому ублюдку. Как он завыл! Это была прямо музыка для моих ушей.

Оставшись один на один со вторым – между прочим, раненым – врагом, я стал чувствовать себя увереннее. Хотя тельце начало потихоньку сдавать.

– Скр-р-ре-е-е... бр-р-р... – застрекотала тварюга.

– Надоел, уродец. Будешь у меня скребером, понял? Ходи сюды, научу тебя родину любить.

Скотина будто меня поняла и опять выстрелила хвостом. Щит уже был похож на решето, но я твёрдо решил, что это последняя дырка в моей защите. Я чуть отвёл щит, чтобы скребер сразу не смог выдернуть хвост, и одним ударом отрубил ему жало.

Тварь заголосила, а вот вторая почему-то затихла. Я бросил короткий взгляд и поспешил отвернуться: злобный хомяк полосовал длинными когтями уже мёртвое тело. Мясник, а не хомяк. Ужас какой-то – быть его врагом никому не пожелаешь.

Тем временем раненый скребер кинулся в последнюю атаку: глупую, прямолинейную. Жаль, тело уже устало: я просто физически не успевал отойти вбок. Пришлось падать на спину, выставляя щит и меч перед собой. Животное пролетело надо мной, лишь задней лапой зацепившись за мачете.

Совсем небольшой разрез красовался на правой его лапе. Зато я успел плюнуть ему прямо в пузо. Не так смачно, как первому в рожу – гайморит ещё не восстановил ресурсы в носоглотке, – но плевков тоже получился знатный.

Зверь – а иначе его не назовёшь – начал разрывать себе живот. Он дымился и шипел. Я хотел резко подняться и добить бедолагу, но тело со мной было категорически не согласнo. На выручку пришёл адский хомяк.

Хотя, судя по всему, скребер был очень занят и не собирался дальше сражаться со мной. Хомяк не оставил ему ни единого шанса, стремительно подскочив сзади и вскрыв ахиллесовы сухожилия – сразу на обеих ногах. Меня передёрнуло. Скребер завыл пуще прежнего, а я начал потихоньку вставать.

Хомяк развивал успех. Жопа существа оказалась ниже, чем запланировала природа, и мой Пушистик одним движением отрубил вражине хвост. А потом, как заправский альпинист, начал восхождение по спине противника.

Причём в качестве ледорубов и кошек он использовал когти – оказалось, он мог выпускать их, как кот. Забравшись на плечо твари, хомяк выдал радостное «пип», после чего

вскрыл скреберу глотку от уха до уха.

Я успел встать на ноги, и тело существа упало. Хомяк прыгнул в последний момент, совершил два переката и остановился в метре от меня.

– Пушистик! Да ты маньяк! Так отделать невинную скотинку!

– Пиу-пиу-пи.

– Да, дохленький я пока что, – с грустью отметил я. – Кстати, о птичках: валить надо. Прокачка не идёт. Тебе, случайно, опыта не насыпали? Так-то это ты всех завалил.

– Пи-и-и... – Хомяк покрутил пальцем у виска, а второй лапой дал себе по лицу.

– Ладно тебе. Понял, понял, не дурак. Дурак бы не понял.

Только я собрался в бодром темпе делать ноги в обратном направлении, как тут как раз попутчики нарисовались – видимо, за ними кто-то гнался. Самое время убираться подальше, но не тут-то было. Меня привлёк странный свет. Едва различимый, он исходил из вскрытой шеи скребера.

Я перевернул тушку – что было непросто – и присмотрелся. Отсюда свет казался ярче, но всё равно совсем слабый. Если бы не пасмурная погода, я бы его и не заметил вовсе. Брезгливости во мне отродясь не было, так что я полез в рану. Уже через пару секунд, когда мимо пробежали люди, с ужасом глядя на дела рук моих, я что-то нащупал.

Какой-то маленький шарик. Совсем крошечный – как две спичечные головки. Разглядывать его дальше я не стал: что-

то мне крайне не нравился раздающийся стрёкот за спиной. Да и хомяк опять истошно верещал и тыкал кривой лапкой в ту же сторону.

Оборачиваться я не стал, просто сорвался с места. Точнее, я так хотел думать. Битва меня утомила, так что перемещался я крайне неспешно.

– Гляди! Писюн с мечом! Ха-ха-ха! – Голос за спиной был весел, а вот лицо перекошено от страха.

Я узнал этот голос. Он принадлежал одному из тех, кому я набил морду в ночь появления. Уродец догнал меня и сбил с ног. Уронить такую тушу, как я, крайне легко, а вот подняться сложно. А главное – больно.

Судя по ощущениям, лицо я свёз капитально, как и выпавшее из-под рубахи пузо. Было крайне обидно, захотелось плакать. Я встряхнул головой. Опять малыш внутри меня захватил моё сознание.

– Петрушка, блин горелый... – раздался надо мной незнакомый женский голос. Кто-то схватил меня за руку и попытался поднять. Правда, эта помощь лишь мешала: сил у помощника явно не хватало, а опору в виде левой раненой руки я потерял. Чертыхаясь и ругаясь на чём свет стоит, меня всё же подняли.

Когда я наконец смог увидеть что-то кроме земли, мои мысли улетели в далёкие дали. Девушка была прекрасна: худенькая, стройненькая, 90–60–90, 3-й размер – всё как я люблю. Блондинка, волосы распущены до лопаток. Лицо

львицы со слегка вздёрнутым носиком.

Всё это крайне диссонировало с тем, что она решила помочь мне, убогому. Таких обычно хрен завоюешь, хотя чаще всего такие и оказываются пустышками. Мы встретились взглядами, и она легонько улыбнулась.

– Идти можешь? – Мелодичный голос – я аж поплыл.

– Бевыв, бевыв... – моё «бежим» не понял даже я. Язык отказался слушаться.

Девушка ещё сильнее заулыбалась, и мы пошли вслед за убегающими селянами. Двигались мы крайне медленно – даже для меня, что стало настораживать. Крики, шум и вопли постепенно стихали, а мы всё шли.

В какой-то момент я начал пристально всматриваться в окружение. Села я не знал, но точно помнил: пробежал четыре дома, после чего перешёл на шаг и, напевая, прошёл ещё пять. Мы же миновали уже полтора десятка домов, а моего всё ещё не было видно. Как и выхода из села.

Птицы перестали петь, вообще исчезли все звуки, а девушка стала преображаться. Из почти девочки она начала взрослеть: прибавила в росте, увеличилась в груди. Лицо из слегка дерзкого превратилось в насмешливо-высокомерное. Цвет волос сменился с белого на ярко-зелёный. На голове появился тоненький золотой ободок. От платья практически не осталось и следа: теперь это было скорее секс-бельё, причём очень вульгарное.

Я отвёл взгляд, чтобы осмотреться, но мы уже вышли за

пределы села. Вокруг простиралось белёсое ничто. Я pokrутился вокруг своей оси, после чего уставился тупым взглядом на властную женщину. Хомяк подёргал меня за штанину, и я посмотрел вниз.

– Пипеп? – Такой обречённости в его голосе я ещё не слышал.

Я лишь пожал плечами и вернул взгляд на женщину. Та не спешила начинать диалог. Она щёлкнула пальцами – и в пустоте появился довольно вычурный трон. Я аж скривился: так давить пафосом на людей – глупо. Заранее указывать человеку на его место означает, что переговоров не будет. Будет ультиматум.

Я ждал... ждал... и ждал...

– Совсем не интересно? – наконец не выдержала она.

– Ой, здравствуйте. Я вас даже не заметил, – решил бить я в самое важное для любой девушки – внимание к ней.

– С огнём играешь, Толя! – не столько пригрозила, сколько предостерегла дама.

– Хотела бы убить, не стала бы с земли бренной поднимать, – крайне пренебрежительно ответил я. – Моё имя ты уже знаешь. Сама не представишься?

– Зови меня Дианой. – Зеленоволосая задумалась и добавила: – Или просто Ди.

– Миленко, просто Ди. Чему обязан?

– Это всё, что тебя волнует?

– Есть ли жизнь на Марсе? – максимально серьёзно спро-

сил я.

– Страх за шутками прячешь? – ухмыльнулась она. – Нет!

– Что «нет»? – совершенно потеряв нить разговора, переспросил я.

– Ответ на твой вопрос: на Марсе жизни нет. – Ди была максимально серьёзной. – Следующий вопрос.

– Я вот боюсь, что бесплатная демоверсия «вопрос – ответ» закончилась. А платная подписка мне не нужна, спасибо. А где выход?

– Боюсь, что нам всё же придётся поговорить.

– Может, не надо? – с надеждой спросил я.

– Надо, Толя, надо. А раз ты не хочешь играть по правилам, придётся чуть по-другому. Я – одна из двадцати семи богов-покровителей этой планеты. С недавних пор нас официально стало двадцать восемь. Угадаешь, из-за кого?

Я притворился шлангом.

– Хорошо, так и быть, продолжим. Тринадцать лет назад у мальчика, в чьём теле ты находишься, пробудился дар. Дар редкий и могущественный настолько, что смог породить нового бога. Уничтожить дар без смерти носителя практически невозможно. Да и мастера под рукой не оказалось – маг-недоучка, но исполнительный. Он запечатал его силу...

– Ценой сознания! – не выдержал я. Петя внутри бесновался, как раненый зверь. – Милосерднее было бы его просто убить.

– Мы не можем убивать. Даже чужими руками. Напря-

мую.

– А если я в тебя плюну? – прищурился я.

– Но можем сделать жизнь крайне интересной, – прищурилась Ди в ответ.

– Ага, прям как джинн из сказки. А три желания будут?

– Всё будет. Слушай дальше: мальчик должен был погибнуть, а новое божество – вновь уснуть. Но случился ты. Грани миров истончились, и по причине, мне пока не ведомой, тебя закинуло в это тело.

Бог полностью проснулся и набирается сил. Магия, которая в тебе находится, крайне опасна и непредсказуема. Она может свести с ума.

– Зачем ты всё это мне говоришь? Хочешь, чтобы я самоликвидировался? – Всё же втянула меня зеленоволосая бестия в диалог.

– Был бы неплохой вариант буквально час назад. Но... Уже поздно.

– Поздно для чего? Достала со своими загадками. Говори прямо!

«Раз убить не может – будем борзеть. Мне тут не нравится. Домой хочу, к маме...» – Дьявол, опять Петя лезет в сознание.

– Те существа, которых ты убил, – из других миров. Появившись у нас, ты открыл сюда путь. Как маяк или как магнит. Нашу планету притянуло к паутине миров и вселенных.

– И что, грохнуть меня – не вариант? Чтобы всё закончи-

лось? – Я искренне недоумевал: уничтожь человека, создавшего проблему, – и проблема решится сама собой.

– В миропорядке есть непреклонный закон: лишь тот, кто что-то создал, может это уничтожить...

Глава 5

– А можно как-то чуть попроще? Ну типа для самых непонятливых! – Мне решительно перестала нравиться тема разговора: слишком уж явственно запахло неприятностями.

– Твоё появление сломало наш мир и...

– Может, не сломало? – перебил я. – А предзнаменовало?

– Ещё раз перебежь, и я отправлю за тобой лучшего мага-менталиста. Он запечатает твоё сознание. Только в этот раз ты не уснёшь, как Петя.

Я благоразумно умолк. Раз уж рассказ так интересен и просьба высказана столь вежливо, почему бы не послушать? Пусть говорит, мешать не стану.

– Хороший мальчик. Знаешь, что такое паутина миров? Хотя откуда тебе знать... Представь обычную паутину самого обычного паука. Теперь осознай: каждая точка пересечения нитей – это мир. Сами нити – тоннели и пути между мирами. Есть центр паутины – центр миров, центр вселенной. В этих мирах обитают существа столь могущественные, что я по сравнению с ними, как твой бурундук по сравнению со мной.

Наш мир – концевой. Мы на самом краю паутины. Грубо говоря, мы – якорный мир: нами вселенная крепится к мирозданию. Таких миров сотни. Мы никому не интересны – у нас ничего особенного не происходит. И это хорошо: если

наш мир погибнет, часть вселенной может обрушиться, баланс миров нарушится. Это одна из причин, почему мы, боги-покровители, практически беспомощны. Никогда не знаешь, к чему приведёт даже малейшее вмешательство – словно попытка раздавить бабочку. Паутинок, о которых я говорю, множество. Представь дерево в сказочном лесу, обвитое тысячами паутин. Это и есть древо – мультивселенная. Обычно между вселенными тянутся тонкие мостики-ниточки. По ним могут перемещаться сильнейшие существа, в основном демиурги. Но даже среди них немногие умеют ходить по древу. Ещё меньше тех, кто способен переносить существ из одной вселенной в другую. А тех, кто может перемещать души, я знаю лишь пятерых, и то по легендам. Душа сама способна путешествовать по паутине. Я могу отправить души даже в центр миров и вселить их в кого-нибудь. Да, потом получу массу мелких неприятностей, но это несложно. Попаданцы – обычное явление в любой вселенной. Бывает, что одна из веток, на которой держатся паутинки, падает. Не спрашивай как, зачем и почему – ты вряд ли сможешь это осознать. При падении такие ветки могут долететь до самой... ну, скажем, до «земли» (образно говоря). Или упасть на нижние ветки, зацепив другие паутинки. Понимаешь?

Я кивнул. Что тут непонятного? Дерево, ветки, паутина, вселенная, мироздание – всё просто. Нервно сглотнув, я приготовился слушать дальше.

– В итоге десятки и сотни паутинок переплетаются, про-

ходят друг сквозь друга, рвут нити, точки распадаются. Получается трёхмерная гигантская паутина. Пауки могут бросить её, могут подраться за неё, а иногда даже уживаются на новой территории, хотя это редкость. Если ты ещё не понял, пауки в этой аналогии – боги и демиурги. Бойня между пауками длится долго, и изменения, затрагивающие паутинку, становятся критичными. Чаще всего такие «шары» превращаются в безжизненные пространства на миллиарды лет, пока ветры и глобальные события не очистят ветку с таким шаром.

– Уважаемая, у меня сейчас мозг лопнет. Какое это имеет отношение ко мне? – не выдержал я. – На паука я не похож. Можно я пойду? У меня дел невпроворот: надо улучшить тело, спасти хомяка от дракона, принцессе помочь, себя поцеловать...

Ди сделала вид, что не услышала, и продолжила:

– Твоё появление можно представить так: какой-то паучок поймал мушку и закононировал её, но привязать к своей паутинке не успел – или забыл. – Ди нервно провела рукой по волосам, словно пытаясь упорядочить собственные мысли. – Ты просто выпал из сети в параллельную ей, попав в мой мир. И это, как говорят в твоём мире... фиаско, братан!

Я почесал затылок, изображая глубокую задумчивость, и небрежно махнул рукой:

– Так в чём проблема? Ну хорошо, я упал и теперь живу тут. Вам не мешаю. Тётяшка, отпустите маленькую мушку.

Я волшебное слово знаю: «позязя».

Ди резко выпрямилась, её глаза вспыхнули недобрым огнём.

– Ты пролетел десятки, а может, сотни паутинок и упал сюда. Ты зацепил безумное количество вселенных и создал новый, свободный, невероятный путь. И все теперь могут...

Я перебил её, вскинув руки в шутливом жесте:

– Перережь эту нитку, как пуповину! Мама, я родился! Всё!

– Поздно! – Её голос дрогнул. – Пока это ещё было возможным, я не могла тебя найти. Твой дар... Я совсем про него забыла и перерыла весь мир в поисках не запланированного мною попаданца. Я искала по стандарту, среди правителей и их отпрысков, проверила все знатные и умирающие роды, магов-неудачников со спящими дарами, которые могут повлиять на ход истории, учёных, лекарей, потенциальных изобретателей... Дьявол, а ты попал в паренька, о котором я и вовсе позабыла... – Она запнулась, опустив взгляд. – Я нашла тебя лишь по первому открывшемуся разлому. До конца надеялась, что ты великий бог или демиург, что ты ошибся и поможешь остановить всё это. А ты...

На её лице читалось явное разочарование.

Я пожал плечами, стараясь выглядеть беспечным.

– Дамочка, один попаданец – один портал. В чём проблема? Я там двоих этих, как их там... скр-р-ре-е-е-еберов, уже уделал. Пригоните сюда магов, отстреляйте оставшихся, как

в тире, и запечатайте этот разлом. Дел-то.

Ди уставилась на меня с таким выражением лица, будто увидела говорящего таракана. Потом медленно, с явным трудом выдохнула:

– Ты идиотизмом от прошлого хозяина тела заразился? Это первая ласточка. Данный портал – якорь-маяк. Сигнал всем проходным вселенным: «ТУТ МЯСО». Порталы начнут открываться по всему миру, по всей вселенной. – Она резко встала, её голос зазвучал громче: – **МЫ – КОНЦЕВОЙ МИР!** С нами будут максимально нежны. Цели рушить всю вселенную нет. Это безумие, но если наши боги и демиурги решат дать отпор, могут и обрушить часть вселенной. Чтобы было неповадно. Безумие начнётся, если... – Ди замолчала, прикрыв лицо рукой.

Сейчас она выглядела уже не такой властной, как в начале диалога. Собственно, диалогом это было сложно назвать – ей просто хотелось выговориться. Она явно устала; все её надежды разбились о моё, вероятно, туповатое выражение лица.

Хомяк дёрнул меня за штанину, указал на Ди и тихонько спросил:

– Пик-пук?

Я шикнул на него:

– Заткнись, придурок! А если она понимает твой язык?

Хомяк схватился за глаза – они почти выпали из орбит.

– Сам ты... – с грустью в голосе проговорила Ди.

Я виновато улыбнулся:

– Мадам, вы уж простите этого дурачка. – Я пнул хомяка, и он отправился в короткий полёт с задорным «пи-и-и...». – Всё, что вы сказали, крайне интересно. Но раз всё так круто поворачивается, может, тогда продолжим в более свободной обстановке? Кафе, вино? Может, ко мне поедem? А, нет, ко мне нельзя... Дворецкий затеял перестановку мебели. Может, к вам?

Ди посмотрела на меня так, будто я предложил ей съесть паука.

– Ты вообще понимаешь, что натворил и что теперь будет?

Я развёл руками.

– Это он виноват.

– Кто?! – Она явно потеряла связь с реальностью.

– Пушной зверёк колоссальных размеров! – Я многозначительно поднял палец. Хомяк, демонстративно хромая, подошёл к моей ноге. Он как-то подозрительно косился на мой правый мизинец. – Я вообще не понимаю, от меня что надо?

Ди закрыла глаза, глубоко вздохнула и тихо произнесла:

– Уже ничего. Уходи.

В этот момент мне стало её откровенно жалко. Я попытался сгладить ситуацию:

– Давайте не будем так категоричны. Не пьёте вино? Давайте в кафе-мороженом посидим...

– Вон отсюда! – рывкнула богиня, сжав кулачки.

Меня выкинуло в пустоту слишком резко. Моё тело пока

не было готово к настолько серьёзным отношениям. Сильный магический толчок привёл к зловонному и громкому извержению сзади. Может, это меня и спасло, притормозив скорость полёта? Знать этого я точно не мог.

Когда я открыл глаза, то обнаружил, что сижу под деревом. Дерево – на улице. Улица... А где это я? Очень своевременный вопрос.

Вокруг ездили машины, ходили люди, пестрели вывески. Причём как в «Гарри Поттере» – бумажные вывески, которые на самом деле совсем не бумажные. Они были живыми и показывали кино.

Я мотнул головой, но ничего не изменилось: по-прежнему сидел на том же месте. С двух сторон – дорога, явно асфальт или что-то очень на него похожее. Машины чуть странные, но вполне узнаваемые. Через дорогу – дома в современной отделке: стекло и металл. Взгляд скользнул вверх – дом высокий, этажей пятнадцать точно.

Посмотрел вбок. По бульвару шли люди в самых разных нарядах: от классической одежды восемнадцатого века до панк-рока и постапокалиптического стиля. В целом для центра Москвы или Питера в праздничный день картина выглядела вполне обыденной.

Я находился чуть в стороне от тротуара. Люди косились на меня, переглядывались, некоторые хихикали, прикрываясь ладошками. Я ещё раз потряс головой и проморгался. «Вот оно что...» – наконец до меня дошло.

То, что я расположился под деревом, – ещё полбеды. Но картина на этом не заканчивалась. Моя рубашка капитально задралась, обнажив складчатое пузико, которое явно забавляло, смущало и даже пугало прохожих. Штанишки почему-то сползли – и вот это уже всерьёз насторожило. «Может, Ди со мной пошалила, а я и не в курсе? – пронеслось в голове. – Нет, ну а что? Может, у неё такие вкусы? На убогих тянет?! Фу! Нет. Не может быть всё настолько плохо у богини... Или может?»

И тут я ощутил странный дискомфорт в том самом месте, на котором сидел. ТАМ что-то шевелилось! Перепугался я не на шутку. «Это же надо – меня, человека с твёрдыми убеждениями и традиционной ориентацией, вот так внаглую унижить!» – пронеслось в мыслях. Резко встать не получилось – я начал переворачиваться на бок, и сразу стало легче.

В этот момент я почувствовал болезненный укол в недавно раненую ягодицу. А следом раздался ужасный крик за спиной:

– А-а-а-а! – вопила какая-то женщина.

– Что за мерзость! Полиция, звоните в полицию! – подхватил кто-то ещё.

Я замер, совершенно не понимая, что же такого страшно-го произошло у меня за спиной. Медленно повернув голову, я увидел...

– Товарищ капитан, ну, может, хватит? – Я уже полчаса сражался с бюрократической машиной, сидя в допросной комнате местного полицейского участка, куда меня притащили служители закона, прибывшие по вызову возмущённых граждан. – Нового вы ничего не узнаете, – в очередной раз повторил я, устало потирая переносицу.

– Повторяю вопрос! Имя? – Капитан, допрашивавший меня, даже не поднял взгляда от своего планшета.

Хомяк, притаившийся у моей ноги, поднял мордочку и вопросительно пискнул:

– Пик-пук?

Я старательно сделал вид, что не понимаю хомячьего языка, а то ещё, чего доброго, дурку вызовут.

– Петя. Меня зовут Пётр, – ответил я капитану.

– Фамилия? – Он наконец взглянул на меня, сверяя данные.

– Волков, – подсказал внутренний голос – Петрушка.

– Отчество?

Я поколебался – хотел соврать, что отчества нет, но оказалось, и в этом мире всех людей можно пробить по базам данных.

– Не положено! Отчество должно быть у всех.

– Никифорович.

– Зачем прибыли в Рязань?

– Не помню. Был в Хирино, потом – бац! – и я тут на лужайке лежу. Точнее, сижу.

Капитан отложил планшет, сложил руки на груди и смеялся скептическим взглядом.

– Что же вы, товарищ Волков, двадцати годов от роду, хулиганите? Голым задом народ пугаете, да ещё и это странное животное...

Я нервно сглотнул – предательская слюна капнула на колени.

– Товарищ капитан, я не специально. У меня небольшие отклонения в развитии, если вы могли заметить...

– Отклонения не уберегут вас от ответственности перед законом. Вот послушайте, что сообщает гражданка Панфилова. – Он развернул лист и начал зачитывать: «В этот прекрасный выходной я шла на встречу с молодым человеком по бульвару Горького. Но встретиться нам теперь не суждено. После того, что я увидела, моя нервная система никогда не оправится. Некий гражданин неприятной внешности валялся под деревом без штанов и приставал к прохожим. Я сделала гражданину замечание, после чего он завалился на бок. Из его недр на меня смотрел монстр с красными глазами. Затем гражданин издал ужасающий рык и родил прямо из заднего прохода неведомую зверюшку, вследствие чего я потеряла сознание и не попала на свидание. Прошу принять меры и наказать бесстыдника по всей строгости закона. А

зверюшку уничтожить, чтобы людей не пугала».

Пока капитан читал этот опус, я мысленно осыпал богиню Диану самыми разухабистыми эпитетами, желая ей всего недоброго. «Мстительная истеричка! Вышвырнула меня чёрт-те куда, да ещё и хомяка мне в зад на прощание...»

– А вот так всё видела гражданка Фролова. Хотите, зачитаю показания ещё пятерых свидетелей? – Капитан постучал пальцами по столу.

– Товарищ капитан! Вы же понимаете, что это абсурд? Родить через жопу монстра? Да вы гляньте на это милое создание! – Я слегка пнул хомяка, чтобы тот построил глазки. – Да и размер его! Какое это дупло надо, чтобы такая белка в него поместилась?

Капитан прокашлялся в кулак, помялся и продолжил:

– Размер вашего дупла не знаю и знать не хочу. И вообще, зверёк – это дело второй важности. Вы вообще себя видели? – Он сделал паузу. – Вы уж извините, но находиться в центре города с такой, простите, физиономией... На вас каждые пять минут будут наряд вызывать. А вы ещё и голым задом сверкали на главной улице города, прямо возле областной администрации. Или тоже будете отрицать?

– Ну так вышло. Я честно не помню, как попал туда, – пожал я плечами, горестно вздохнув.

– Я не понимаю, как вы туда просочились. Вход в центр строго контролируется, вас бы не впустили. Вообще!

Он откинулся на стуле, смерил меня задумчивым взгля-

дом и вынес приговор:

– Так как вы не местный, сельский, да ещё и явные проблемы со здоровьем налицо, на первый раз сделаю вам поблажку: десять дней посидите, подумаете, законы поучите, штаны носить научитесь.

– Товарищ капитан, может, на первый раз простите? – взмолился я. Проверять условия местных казематов совершенно не хотелось.

– Так я вас давно простил. Более того, я на вас и не обижался. А вот народ ропщет. Народ требует от полиции защиты и порядка. Да я и так пожалел вас. За такое полагается до года лишения, между прочим.

У меня отвисла челюсть. «До года?! И главное – за что? Сверкнул, подумашь, попой на людях. Вон Ивлеева у нас показала голую жопу – и ничего. Извинилась, и её простили. Хотя там в жопе звезда горела в виде брюлика... Мне бы такой брюлик... но вместо него хомяк достался. Р-р-р...»

– Бинго! – выкрикнул я, случайно плюнув в сторону капитана. – Товарищ капитан, а если так? – Я вытащил из кармана крошечный светящийся шарик и протянул ему на слегка трясущейся ладони.

Капитан пристально посмотрел на шарик, потом на меня и тяжело вздохнул:

– Я даже за взятку это не буду считать. Ты бы мне ещё стекляшки предложил. Блаженный. Сержант! В камеру его. В восьмую. Может, хотя бы там выживет.

У меня слегка расслабилось сзади, и я совершенно случайно издал ужасающий гудок. Через секунду комнату начал наполнять удушливый газ. «Говорят, своё не воняет, ага, щас...» У меня слёзы потекли из глаз, капитан выбежал прочь из помещения. Сержант сначала замер на пороге, а затем тоже выскочил и плотно закрыл дверь.

– Пик-пук! – Хомячок отползал в дальний угол, безостановочно матерясь на своём хомячьем.

Уже через десять минут (одетого в штаны и рубаху) меня подвели к камере, предварительно выдав матрас, кружку и тарелку с ложкой. Хомячка при этом почему-то забирать не стали, что совершенно не укладывалось в моей голове. Местные полицаи будто вообще его не замечали.

Я надеялся, хотя бы здесь меня не будет донимать эта тварь, но не тут-то было.

Камера оказалась совсем небольшой – три на три, не больше. Две двухъярусные кровати по бокам у стен, небольшой столик внизу между ними. Справа – едва отгороженное пространство: очко/сортир/галюн/клозет – нужное подчеркнуть.

Три пары глаз уставились на меня. За столиком на нижних койках сидели двое. Один – наверху слева. Дверь камеры захлопнулась, а я стоял как дурачок. Нужно было понять, куда я попал. Можно угодить к тем, кто читит все правила отсидки; есть те, кто соблюдает только определённые законы; а есть и те, кто вертит ими как хочет. Бывают, правда, и пофиги-

сты. С другой стороны – мир иной, тут может быть всё что угодно. Проще притвориться шлангом. Первохода не должны обижать. Главное – не косячить.

– Здравсте. – Я придурковато улыбнулся и кивнул.

– Здоров-здоров. Заходи, арестант честной. За что взяли? – проговорил самый мелкий, сидевший внизу справа.

– Да случайно возле администрации штанишки свалились. Тётя злая бумажку написала. Вот десять дней сказали тут сидеть. – В кои-то веки с момента попадания в этот мир я был рад своей дебиловатой внешности.

– Ха-ха-ха! Ну ты даёшь! – захохотал тот же парень, а вот остальные почему-то не поддержали. – Ты бы лучше им на порог навалил. Ладно. Кидай кости на свободную шконку.

– Спасибо.

Арестанты продолжили играть в какую-то карточную игру, а я закинул матрас наверх, поставил тарелку и ложку на край стола и полез на второй ярус. Спокойно лёг и стал сверху наблюдать за процессом игры. В какой-то момент до меня дошло: арестанты играли в классику – очко, или, по-другому, двадцать одно.

– Уважаемые, а можно с вами? – спросил я, перевесившись через кровать.

Это была роковая ошибка. Я понял это слишком поздно – когда моя проклятая слюна и отсутствующая челюсть сыграли свою роль. Мелкий поднял голову вверх и уже собирался что-то сказать, но не смог: довольно смачный сгусток тягу-

чей слюны опустился ему прямо в рот.

Если честно, меня самого чуть не стошнило. Мужика вывернуло наизнанку. Его товарища по игре, который это всё лицезрел, тоже.

– Пик-пук! – Хомяк врезал себе обеими лапками по лицу и, качая головой, плюхнулся на жопу.

– Мужики, я не специально, просто диагноз. Я болею! – пытался я объясниться, пока они рыгали – дальше шанса не будет.

– Кабздец тебе, убогий. Молись, пока можешь, – проговорил самый пострадавший и встал, утирая лицо рукавом.

Сокамерник медленно развернулся ко мне и показательно вытащил заточку из-за пояса. Но не успел он наставить на меня оружие, как между нами возник хомяк.

Тот мирно сидел на краю кровати, устроившись на попе и сложив лапки на мохнатом пузе. Адские цветочки хищно щёлкали челюстями. Мужик замер, внимательно осмотрел животину и задал закономерный вопрос:

– А ты ещё что за уё?..

– Зря вы так с Пушистиком... – начал я, но больше не успел сказать ни слова...

Глава 6

Седьмой день отсидки начался как обычно – с утренней проверки численности уголовников в камере. У нас всё шло штатно. Даже Сиплый уже почти нормально выглядел – это тот, кому досталась моя чудодейственная слюнка.

Мои сокамерники оказались довольно приятными людьми – ну разве что кроме Сиплого. Он крайне на меня обиделся, но я его не виню: повод был веский. Зато после этого случая мне открылось множество интереснейших вещей и моментов.

Во-первых, мой питомец – невидим. Можно было подумать, что у меня окончательно поплыла крыша: голос ребёнка в голове, да ещё и вымышленный друг. Впрочем, такого друга врагу не пожелаешь. Но факт остаётся фактом: хомяк был невидим и мог проявляться по своему желанию. А вот я эту тварь видел всегда – и это пугало.

Во-вторых, дядечка на верхней шконке оказался паханом в этой хате и по совместительству магом. Точнее, не совсем магом: особо ничего он не мог, зато многое знал и охотно делился со мной. Рассказал, как развивать силу, укреплять каналы и в целом тренироваться.

Но давайте обо всём по порядку.

Когда Сиплый попытался сделать мне больно, хомяк вступился за меня, убогого. Я уже грешным делом подумал, что

он отправит Сиплого к праотцам, а на меня повесят ещё и мокруху. Но нет: у Пушистика всё было в порядке с головой, и он не стал убивать сидельца. Впрочем, отделал его знатно.

Хомяк бил лапками – без когтей. Настоящий Джеки Чан, Брюс Ли и Чак Норрис в одном флаконе! Я аж засмотрелся на эпичность побоища. Второй сокамерник благоразумно лезть не стал, а вот третий, хлопнув себя по коленям, резко сел и с довольным видом произнёс:

– Деймон? Это кто же ты такой, парень? Деймоны – это же миф!

Причём мужику было безразлично, что мой, как он сказал, «деймон» гасит его товарища. Позже я узнал: здесь никто никому не товарищ – просто временные сокамерники. Про деймонов я знал из книг и фильмов своего мира, поэтому имел представление, что это за создания. Однако Фёдор, так звали мужчину, существенно расширил мои познания.

– Деймоны – мифические существа, – пояснил он. – Если начать о них говорить не в том обществе, можно лишиться жизни.

– Даже не в тюрьму? Сразу на плаху? – усмехнулся я.

– Никакой плахи не будет, – резко посерьёзnel Фёдор. – Тебя просто не найдут.

– Как же тогда берутся слухи и легенды о них? – продолжал я ухмыляться.

– Вот так и берутся. Тебе вроде нужны были сведения о твоём хомяке? Или уже нет? – обиделся Фёдор.

– Всё-всё! – поднял я руки в примирительном жесте. – Слушаю внимательно.

– По легендам, когда-то давно в нашем мире были великие маги и великие монстры. Чтобы справиться с великими монстрами...

– А что за монстры? – вставил я вопрос.

– Не знаю. Чтобы справиться с великими монстрами...

– А откуда они взялись? – опять перебил я.

– Не знаю! – чуть грубо ответил Федя. – Чтобы справиться с великими монстрами...

– А почему все великие? – Я уставился на собеседника с наигранно-придурковатым выражением лица.

– Это легенда! Миф! – Точка кипения Фёдора подошла к пику. – Что ты меня всё перебиваешь?! Слушай внимательно, дурачка кусок! Чтобы справиться с великими монстрами, один из магов научился расщеплять свою душу. В зависимости от дара мага осколок души может многое, но разное. У кого-то прямо из воздуха появляется воздушный элементаль, или этот кусочек может вселиться в птичку. У мага огня может получиться огненный элементаль, или кусочек души может вселиться в огненную саламандру. У мага воды...

– Водный элементаль или рыбка? – не удержался я.

– Да! – удивился Федя. – Откуда знаешь?

– Да так, просто догадка. Ты продолжай, я весь внимание! – снизошёл я до потерявшегося Феде.

– Этот кусочек крайне важен. Со смертью деймона маг на-

всегда лишится своих магических сил. Может даже разумом тронуться.

– На хрена тогда он нужен, такой красивый? – ошеломлённо уставился я на Фёдора.

– Пик-пук. Пик-пук, – простонал хомяк.

– Он тебя усиливает многократно, даёт возможность пользоваться магией, которая тебе неподвластна. Это существо из-за грани миров – безумно могущественное, но ограниченное ресурсами своего хозяина. Сам по себе деймон практически беспомощен, но дай ему крупицу своей силы – и он вернёт её тебе сторицей. Он мудр: может общаться с хозяином, объясняя устройство мироздания, может научить новым заклинаниям. Но только если в твоей душе гармония и мир. Если ты сам себе враг, то и деймон не будет тебе помогать, лишь пакостить и издеваться. К моменту, когда все монстры на Земле были уничтожены, деймоны распространились и стали обычным делом. Каждый ребёнок, обретший дар, сразу призывал себе хранителя. Именно он объяснял юному дарованию все тонкости, помогал и учил магии. Но позже началось безумие. Разгорелась новая война: люди рвали и убивали друг друга. А главное – уничтожали деймонов. Помимо того, что деймон имел боевую и обычную форму, существовала каста магов, специализировавшаяся на уничтожении людей, деймонов и всего живого. Зачем это было нужно, совершенно непонятно. Последовали массовые смерти среди магов, и в частности – среди детей. В ко-

вечном итоге эту касту разоблачили и уничтожили. Но демонов объявили вне закона.

– Федя, – скривился я от рассказа, – можно буду звать тебя Федей? Так вот, тебе не кажется, что история шита белыми нитками? Если начало было детской сказкой, середина – обрывочной информацией, то финал – абсурдом.

– Это легенда, которой много тысяч лет. Я озвучил, как помню из рассказов бабушки, – грустно пожал плечами Федя.

– Ты мне вот что скажи: как ты понял, что он демон? – Именно это меня действительно интересовало.

– Каждый практикующий это сразу поймёт и осознает, лишь увидев его. – От этих слов меня пробрала дрожь.

– Все знают про демонов, но не имеют их?! И это ещё и тайна? Получается какая-то тайна Полишинеля!

– Знает крайне малое количество людей. Мне просто с бабушкой повезло, и я всю жизнь пытался разорвать себе душу.

– Пик-пук! – Хомяк тоже внимательно слушал Федю; последние слова вызвали у него бурную реакцию.

– Ладно, – решил я резюмировать, – показывать тебя, Пушистик, никому нельзя. Это раз. Ты мне должен помогать – это два. И давай учи меня магии.

– Пиу-пик-пу! – развёл хомяк лапы в стороны и покачал головой.

– Что значит «ты ничего не знаешь»? Ты демон? – озадаченно спросил я.

– Пиу-пик-пу! – Он опять пожал плечами.

– Как не знаешь? Ты кто вообще?

– Пиу-пик-пу! – Тот же жест.

– Ты другие слова знаешь?

– Пик-пук! Пи-и-и... – обозвал меня хомяк и залился хо-

хотом.

Я лишь открывал и закрывал рот, совершенно ничего не понимая. А Фёдор, заметив наш забавный диалог, начал засыпать меня вопросами: «Как? Кто? Что? Откуда?» Особых секретов я в этом не видел, так что решил рассказать всё как было.

Фёдор крайне удивился тому, что моя душа решила расщепиться при контакте с мёртвым существом. Он вообще о таком не слышал. Хотя, как я понимаю, эта легенда в целом мало кому известна.

Характер моего деймона он объяснил тем, что у меня в душе бардак. Поэтому существо меня не признаёт и ещё какое-то время будет издеваться и мучить.

Дальше Фёдор целую неделю рассказывал, как усилить свой дар. Для начала мы в целом искали область моих способностей. На это ушло целых шесть дней. Ничего мне не давалось: ни телекинез, ни чтение мыслей – с этого мы и начали. Пытались поиграть с водой, огнём, землёй и электричеством. Последнее стало самым грустным воспоминанием.

Хомяк, зараза эдакая, оказался реально магическим. Этот гад вытащил немного электричества из лампочки и работал

как электрошокер. Бегал за мной по крайне маленькой комнатке и тыкал двумя пальчиками в мою многострадальную задницу.

Потеха была лютая: сокамерники ржали, катаясь по своим шконкам. Хомяк матерился в своём стиле – «пик-пук!» – и носился за мной.

Фёдор сказал, что зверёк устал смотреть целых четыре дня, как мы занимаемся фигнёй, и решил подсказать. Да, таким диким и варварским способом, но всё же. Однако и весь следующий, пятый день, как я ни пытался, у меня ничего не выходило.

Пушистик бился головой о стенку, стонал, крыл матом и бил меня электричеством. Но грёбаная магия мне не давалась, что бы я ни делал.

Наутро шестого дня даже Фёдор начал сомневаться, что я маг. Лишь наличие деймона и магии у него самого могло доказать обратное. Но вот беда: виды магии закончились. Мы перепробовали ровно двадцать семь направлений – больше в этом мире не существовало. Это ставило в тупик.

Вечером шестого дня, невзирая на отсутствие определённого вида магии, Фёдор всё же решил дать мне азы «прокачки».

– Когда найдёшь свою стихию, практикуйся. Постоянно. И всегда на пределе своих возможностей, – с лицом знатока выдал он.

– Ты серьёзно? – удивлению моему не было предела. –

Вот просто сидеть и практиковаться? А как насчёт, допустим, увеличения запаса маны? Силы заклинаний? Мощности струи, в конце концов?

– Про струю – если проблемы, надо к доктору-урологу. А всё остальное как к магии относится? Это что вообще? – явно без тени сарказма спросил Федя.

– Какой же ты всё-таки, Федя... – с сожалением выдал я, глядя, как хомяк хохочет в конвульсиях.

Вечер выдался крайне унылый. Я, лёжа на своей шконке, наблюдал, как из угла комнаты выполз таракан – точнее, как вылез и пополз вдоль стеночки, а затем направился к столу. Вредитель был огромным, почти с палец размером, и с такими же усами. Судя по всему, уже очень старый – не зря же такой большой. Бедолага ковылял медленно, привлекая задние лапки, делал частые остановки. Он с трудом выполз в центр комнаты и замер. Никто не обращал на насекомое ровным счётом никакого внимания – никто, кроме меня.

Не знаю почему, но пока он полз, я чётко понимал: он не жилец. И как только он замер, меня посетило внезапное осознание – готов. Контур его тела стал едва заметно светиться зеленоватым. Меня это очень заинтересовало, так что я слез с кровати на пол.

– Никогда таракана не видел? – гоготал Сиплый.

Я ничего не ответил, стараясь контролировать предательскую слюнку. Она постоянно норовила вылететь или вытечь из моего рта в самый неподходящий момент, прямо как сей-

час. Да и связываться с Сиплым не было желания: парень крайне недалёкий. А объяснять идиоту, что он идиот, – идиотизм: сам постепенно в такого превратишься.

А вот таракан и его свечение были крайне любопытны. Я встал на колени возле него и по наитию – такому же, как при встрече с хомяком, – дотронулся до бедолаги пальцем.

Через мгновение в груди начало появляться тепло. Только в этот раз тепло не стало долго скапливаться, практически сразу устремилось к моему пальцу, уходя в таракана. Насекомое дёрнулось и зашевелило усиками. Существо оживало, становясь зелёным прямо на глазах.

Нет, на нём не появились трава или листики. Просто он стал зелёненьким: прямо как кузнечик, только тараканчик. Он встал, как бы это ни было странно, на задние лапки, поставил три пары верхних себе на бока и осмотрелся. После чего замер, глядя мне в глаза.

– Воскрешатель! – с ужасом в глазах и дрожью в голосе прошептал Федя, но я его услышал.

– Пипеп! – Хлёсткий удар хомяка по морде собственной лапкой раздался в затихшем помещении.

Потому что после слов Феи все сидели как воды в рот набравшие, да ещё и с квадратными глазами.

«Дядя Толя... Вот что имел в виду тот маг! Воскрешатели – это проклятое направление, запретное. Я не знаю тех легенд, о которых рассказывал дядя Фёдор, но про воскрешателей знаю. Они под запретом!»

«Очень информативно! – ответил я мысленно своему соседу по голове. – Детали будут? А то, судя по их лицам, я – зло во плоти. Сейчас они либо поклоняться мне начнут либо убивать».

«Запрещены они, да, и нет их. А почему – не знаю. У каждого направления магии свой покровитель. А у воскрешателей его нет. Может, поэтому и запрещено?»

«Бинго! Двадцать восемь. Теперь двадцать восемь покровителей. Она же сказала – проснулся. Так... Ясно всё. А что умеют воскрешатели? И почему под запретом-то?»

«Ну-у-у... – замылся Петя. – Они воскрешают. А почему запрещены – не знаю».

– Федь, а Федь? – решил я поговорить с сокамерником. – Ты чего бледный такой?

– Запретная магия. Ты неправильный и проклятый. Я не сразу понял про ядовитую магию. Ты воскрешатель. Падший!

– Стоп! Стоп! Стоп! Ну что за ярлыки и клише сразу? Я же вон чуть-чуть дурачок. Помнишь? Может, не всё так плохо? Я ведь за хороших. Ты толком объясни, что к чему с этими воскрешателями.

– На заре времён...

– Это было до деймонов или после? – решил я уточнить хронологию событий.

– Не знаю! – раздражённо рывкнул Федя и продолжил: – В то время было двадцать восемь покровителей. Последним

как раз был покровитель воскрешателей.

– Может, они называются некромантами? – решил я уточнить чисто для проформы.

– Кто такие некроманты, мне неизвестно, а вот воскрешатели – твари опасные. Их покровитель наделил ужасающей силой: поднимать умерших, возвращая их в наш мир. Это разрывает душу людям, полностью её уничтожает, и душа лишается посмертия.

Воскрешатели пытались захватить весь мир, заполонив планету своими марионетками. Но великая Ди наделила людей способностью блокировки дара. Это специальный артефакт. Их всего десять штук, но такого количества хватило. Благодаря размещённым по всей планете артефактам воскрешатели потеряли свою силу и были истреблены, их последователи – признаны вне закона, а бог-покровитель воскрешателей, потеряв свою паству, был убит великой Ди. На планете воцарился мир.

– Друг мой, – начал я максимально аккуратно, зная нежную душевную организацию моего товарища, – а вам не кажется, что эта история подозрительно перекликается с историей о деймонах? И в целом звучит столь же бредово, как натягивание совы на глобус.

– Ты зло! – заорал Федя.

Он собирался побежать к двери с явно нехорошими намерениями. Хомяк встал посреди камеры, выпустил длинные когти и оскалил зубы. Мне стало не по себе. При этом тара-

кашка как стоял, так и остался стоять. Времени думать было крайне мало: ещё чуть-чуть, и дурак заголосит, а значит, привлечёт ко мне внимание. По его словам, даже деймоны – уже зашквар в определённых кругах. А тут ещё и воскрешатель, будь он неладен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.